

Экспертный доклад

«Северный Кавказ и современная модель демократического развития»

Авторы:

Ирина Стародубровская, к.э.н., руководитель Научного направления "Политическая экономия и региональное развитие" Института экономической политики им. Гайдара

Константин Казенин, к.ф.н., старший научный сотрудник Научного направления "Политическая экономия и региональное развитие" Института экономической политики им. Гайдара

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Ислам и модернизация (И.В. Стародубровская)	7
2. Перспективы смены элиты (К.И.Казенин)	21
2.1. Особенности устройства элиты на Северном Кавказе	21
2.2. Возможность конкурентных выборов на Северном Кавказе	27
3. Фактор насилия	30
3.1. Этнически мотивированное насилие (К.И. Казенин)	30
3.2. Религиозно мотивированное насилие (И.В. Стародубровская)	36
Выводы и рекомендации (И.В. Стародубровская)	43
Приложение А. Республики Северного Кавказа: особенности постсоветского развития (К.И. Казенин)	50
Приложение Б. Северный Кавказ сквозь призму теории Дугласа Норта о социальных порядках (И.В. Стародубровская)	64

ВВЕДЕНИЕ

Тема «Северный Кавказ и современная модель демократического развития», очевидно, поднимает серьезные и актуальные вопросы, которые неизбежно встанут при определении перспектив развития страны. Важно обсуждать будущее не только государства в целом, но и отдельных его регионов, особенно обладающих столь явным культурным своеобразием, как Северный Кавказ. Но, одновременно, подобная постановка вопроса таит в себе много подводных камней, которые могут увести дискуссию от содержательных проблем в сферу идеологических постулатов, эмоциональных оценок и характеристик отдельных политических лидеров. Поэтому, прежде чем начать обсуждение того, насколько современная модель демократического развития может быть реализована в северокавказских республиках, необходимо четко определиться с методологией анализа данной проблемы и пониманием основных категорий.

Собственно, для этого нужно ответить на два основных вопроса. Во-первых, что мы понимаем под той «современной моделью демократического развития», которая для либеральной части российского идеологического спектра представляется социальным идеалом, к которому необходимо стремиться в рамках определения перспектив развития страны. Какие государства можно считать воплощением данной модели? Только ли развитые западные страны, в каждой из которых, кстати, демократические механизмы имеют свою серьезную специфику? Или мы включаем сюда и такие страны, как Индия с ее достаточно развитой политической конкуренцией или Грузия, где в рамках либертарианской модели было минимизировано вмешательство государства во многие сферы жизни, и переход власти произошел в результате свободных выборов?

Во-вторых, это вопрос о том, насколько, собственно, Северный Кавказ отличается от остальной России с точки зрения перспектив развития. На эту тему также есть различные мнения. Еще несколько лет назад достаточно распространенной была позиция, что именно этот регион своей отсталостью и нецивилизованностью тянет назад нашу страну, в целом вписывающуюся в современные форматы политического и экономического развития. Однако активно идущая архаизация социальных отношений в России в целом и все более явная роль руководства Чечни в определении общефедеральной повестки ведет к перестановке акцентов, и вот уже довольно часто можно услышать, что, собственно, никаких принципиальных отличий нет, вплоть до того, что «Чечня не часть России, Россия – часть Чечни» (Д. Быков). И перспектива перехода к современной демократической модели развития оказывается проблематичной не только для северокавказских республик, но и для страны в целом.

Действительно, сейчас состояние институциональных отношений в России таково, что вряд ли в среднесрочный период ей удастся в полном объеме реализовать характерную для развитых демократических государств модель. И в этом смысле ориентиры не только для Северного Кавказа, но и для страны в целом скорее связаны с переходом к тому, что Дуглас Норт называл зрелым естественным государством, где элита имеет определенные привилегии, но уже существуют независимые от государства организации и общие «правила игры», чем к «порядку открытого доступа», где господствует политическая и экономическая конкуренция и все равны перед законом (подробно концепция Норта и взгляд на северокавказские реалии сквозь ее призму изложена в Приложении Б). Однако это не значит, что Северный Кавказ даже сейчас, в условиях архаизации в России, совсем не имеет собственной специфики. Этую специфику можно свести к нескольким моментам.

Во-первых, хотя клановые, патрон-клиентские связи и структуры получили распространение по всей стране, на Северном Кавказе они до сих пор сохраняют более традиционный характер, и отношения родства и землячества в большинстве случаев играют в них большую роль, чем отношения лояльности. Тем самым система является еще более закрытой, чем в остальной России. Закрытость связана также с ограниченной ролью крупных городов (собственно, на настоящий момент единственным реально крупным городом в северокавказских республиках является Махачкала), которые, благодаря масштабу и разнообразию потребностей, неизбежно подрывают клиентализм и либерализуют доступ к некоторым областям деятельности.

Во-вторых, это большее распространение открытых насильтственных практик как со стороны элит, так и контрэлит. Для некоторых северокавказских регионов характерен меньший, чем в целом по России, контроль государства за элитными группами, обладающими собственным насильтственным потенциалом. Протестные выступления также характеризуются более высоким уровнем насилия, чем в целом по стране.

В-третьих, это доминирование исламской идеологии как базы социального протеста. Очевидно, на других российских территориях (в первую очередь в городах) также в определенной мере распространены протестные идеологии. Однако они в большей степени связаны с либеральными или националистическими идеями. Религиозный характер протестной идеологии на Северном Кавказе накладывает существенный отпечаток на характер социального идеала, систему представлений о желательном государственном устройстве, об организации жизни общества.

Собственно, доклад посвящен в первую очередь тому, насколько эти отличия серьезны и неустранимы, как может на них повлиять государственная политика, и на какие слои и группы она может опираться в реализации своих целей. При этом необходимо особо отметить,

что авторы доклада не считают, что включение тех или иных регионов в современные демократические механизмы требуют полного нивелирования их отличий от регионов «мейнстрима». Демократия – это та система, которая как раз и позволяет сосуществовать и уживаться, естественно, в определенных общих рамках, различным идеологиям, ценностям, стилям жизни. А федерализм – то государственное устройство, которое способно создать инструменты для учета подобных различий. Поэтому ответ на поставленный вопрос не предполагает «приведение Кавказа к общему знаменателю» со всеми остальными российскими регионами. Скорее представленный доклад – это размышления о том, насколько Северный Кавказ, со своей культурной спецификой, может вписаться в общедемократическую повестку, насколько там формируется и может сформироваться запрос на демократические ценности и институты, и насколько силен существующий в настоящее время антидемократический потенциал в этом регионе.

Еще одна проблема, о которой надо договориться «на берегу» - это терминология. Особенно это касается тех терминов, которыми характеризуются разные течения ислама. К сожалению, здесь нет устоявшегося понятийного аппарата, что открывает простор различнымискажениям и спекуляциям. Так, широкое распространение применительно к исламской идеологии, отличающейся от традиционно принятой в том или ином регионе, получил термин «ваххабизм», а ее последователей, соответственно, называют ваххабитами. Одновременно тот же термин используют и для обозначения приверженцев религиозно мотивированных насильственных действий, направленных против российского государства. То есть автоматически ставится знак равенства между сторонниками определенных (достаточно разнообразных) религиозных взглядов и адептами насилия. Чтобы избежать подобных терминологических искажений, в последнее время вместо термина «ваххабит» стали пользоваться понятием «салафит». Однако и здесь возникают терминологические проблемы. Салафизм – это определенная система религиозных взглядов, и не все те, кто не приемлет традиционный ислам, готовы идентифицировать себя как салафиты.

В результате все большее распространение получает более нейтральный термин «нетрадиционный ислам». Однако и он вызывает нарекания. Во-первых, это негативное определение, ничего не говорящее о сути взглядов тех, кто его придерживается. Во-вторых, достаточно сложно определить, что такое «традиционный» ислам, поскольку в разных российских регионах религиозная традиция связана с различными исламскими течениями, и то, что в одном регионе является сугубо традиционным, в другом может рассматриваться как опасное заблуждение.

Представляется, что с научной точки зрения наиболее адекватным термином, обозначающим совокупность разнообразных течений, не вписывающихся в понятие

традиционных, является термин «исламский фундаментализм». Фундаментализм – это возвращение к истокам, к первоначальному, буквальному смыслу священных текстов, неприятие любых религиозных нововведений, требование строгого исполнения всех религиозных предписаний. Проблема, возникающая с этим термином, связана с вызываемыми им негативными коннотациями, поскольку в обыденном сознании фундаментализм ассоциируется с крайними формами реакции, агрессией и нетерпимостью. В науке это не так – там оценки исламского фундаментализма весьма разнообразны, вплоть до подобных: «Фундаменталистский ислам и родственные национализмы предлагают идеологию, намного более близкую ... к идеологии Великой французской революции, чем обычно считают носители общих стереотипов, противопоставляющее западное Просвещение фундаменталистской религии вообще и исламскому Востоку в частности»¹. Однако мы не можем игнорировать те ассоциации, которые этот термин может вызвать у наших читателей, что может привести к искаженному восприятию текста.

Таким образом, в тексте будут использоваться как равнозначные термины «нетрадиционный ислам» и «исламский фундаментализм», причем необходимо подчеркнуть, что оба эти термина не несут какой-бы то ни было оценочной функции и лишь пытаются упорядочить ту чрезвычайно сложную и пеструю картину, которую представляет исламская среда в северокавказских регионах.

В целом необходимо отметить, что данный доклад является итогом многолетних исследований авторов в пяти северокавказских республиках: Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Дагестане и Чечне. Достаточно большой объем полевой работы был проведен непосредственно в период подготовки доклада. Мы испытываем искреннюю благодарность по отношению ко всем тем, кто помогал нам в проведении наших исследований, тратил время и силы на то, чтобы мы лучше поняли северокавказские реалии. Среди них были люди разных национальностей и профессий, различного социального статуса, придерживающиеся разных, иногда взаимоисключающих верований и идеологий. Но во всех случаях мы сталкивались с настоящим кавказским гостеприимством, доброжелательностью и желанием помочь.

¹ КалхунК. Национализм. –М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006, с. 225-226.

1. ИСЛАМ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Один из основных аргументов против способности Северного Кавказа к модернизации связан с тем, что там господствуют традиционные отношения, более того, в постсоветский период наблюдалась их архаизация. Эту архаизацию часто связывают с распространением нетрадиционного, фундаменталистского ислама. Так, Эмиль Паин утверждает, что в условиях кризиса идентичности, связанного с процессами модернизации, «возрождается интерес людей к консолидации в первичных, естественных, или, как их еще называют, «примордиальных» общностях (этнических и конфессиональных); усиливается влияние ксенофобии; возрастает влияние идеологического традиционализма, перерастающего зачастую в фундаментализм... Переломные периоды... значительно повышают интерес людей, испытывающих фрустрации и депрессии, к историческим традициям. Традиционализм же, доведенный до своего логического конца, выступает основной предпосылкой различных проявлений такого радикального идеологического течения, как фундаментализм»². Между тем ситуация далеко не столь однозначна.

Действительно, на Северном Кавказе, особенно в его восточной части, распространены более традиционные отношения, чем на большей части остальной территории России. Это связано с несколькими факторами. И с тем, что в дореволюционный период влияние модернизационных тенденций на Кавказе было чрезвычайно ограниченным. И с тем, что советская модернизация дошла далеко не до всех территорий, а там, куда дошла, будучи по своей природе консервативной, не всегда требовала серьезного подрыва сложившейся модели устройства жизни. И с тем, что роль городов как основного «трансформатора» общественных отношений была незначительной, а сами города были во многом «русскими»³, поэтому их инновационное воздействие мало распространялось на окружающие территории. В результате для Северного Кавказа до сих пор в той или иной мере свойственны те характеристики, которые обычно связываются с представлениями о традиционном обществе.

Человек менее индивидуалистичен, более растворен в коллективистских структурах. Это проявляется, в частности, в наличии механизмов коллективной ответственности: за

² Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность, 2002, № 4, с.115.

³ Правильнее было бы сказать – многонациональными. Там жили русские, армяне евреи, азербайджанцы. Но достаточно ограниченные слои коренного местного населения, в первую очередь его образованные страты. Барьер между «городом» и «деревней» был достаточно ощутим.

провинившегося отвечает весь род, кровная месть может затронуть не только виновного, но и его родственников.

В большей мере сохранены поколенческие иерархии. Молодые и даже не очень молодые люди контролируются старшими, не принято отстаивать свою точку зрения даже в тех условиях, когда их правота очевидна. Авторитет старшинства считается непоколебимым.

Сохраняются гендерные иерархии и гендерное разделение труда. Девушки имеют меньший доступ к образованию, меньшие возможности выбора жизненной стратегии, меньшие возможности для защиты своих прав. Их место ограничивается в первую очередь домом и детьми. На Северном Кавказе достаточно распространено семейное насилие, в том числе до сих пор происходят «убийства чести», когда «позорящую честь семьи» девушку может убить отец или старшие братья. В этой сфере очевиден регресс даже по сравнению с советскими временами.

Дети во многом воспроизводят жизненные стратегии старшего поколения. Если родители не получали высшего образования, дети также не стремятся расширять карьерные горизонты. Во многом предопределено, что дочка учительницы станет учительницей, а сын врача – медиком, и родители смогут устроить их на работу (иногда – на свое место после выхода на пенсию). Есть даже «династии» глав сел – обычно это выходцы из наиболее богатых и знатных родов.

В то же время нет ничего более ошибочного, чем рассматривать эти отношения как устойчивые, не способные к трансформации, не поддающиеся веяниям времени. *Размытие и слом традиционных отношений – наиболее яркая характеристика того, что происходит на Северном Кавказе в постсоветское время.* Развитие рыночных отношений, процессы глобализации способствуют эмансипации личности, подрывают поколенческие иерархии и повышают роль молодежи как того слоя, который легче адаптируется к новым техническим возможностям и социальным условиям. Молодые люди активно получают высшее образование. Серьезное эмансипирующее влияние на судьбы девушек оказывает все более популярное обучение в медицинских вузах, поскольку в этом случае нельзя перевестись на заочное отделение и воспроизвести традиционную жизненную стратегию, но «с дипломом». Соответственно, это влияет на время замужества, рождения детей, общее позиционирование в жизни.

Процесс размывания традиционных отношений может идти очень по-разному не только в разных республиках, не только в городской и сельской среде, не только в разных селах, но даже в соседних семьях. Различия касаются многих параметров: свободы выбора молодыми людьми образовательной траектории (особенно для девушек), миграционной траектории, брачной стратегии, идеологических приоритетов. В одном и том же селе в одной семье

девушку могут не пустить учиться после 9-го класса (а иногда и раньше) и выдать замуж в соответствии с родительским решением, а в соседней девушка может уехать учиться в медицинский вуз в Москву. Но при этом той же девушке родители могут не разрешить выйти замуж по ее выбору, потому что молодой человек «не того рода».

Безусловно, серьезнейшим эмансипирующим фактором является город. Подобную роль играет в первую очередь Махачкала, гораздо меньше – Грозный. Но и в том, и в другом случае очевидно, что город преодолевает характерную для традиционного общества монолитность и безальтернативность, способствует зарождению новых мировоззрений, новых форм и стилей жизни. *«Село – оно опять-таки традиционное общество. Тяжело там прижиться какие-то выходящие за рамки этих традиций, какие-то новые идеологии. ... Почему? Потому что там все так выстроено. В городе это очень просто. И вот обратный эффект именно в том, что в городе традиции, которые в горах есть, в городе их нету, и здесь эта идеология, она идет сразу широкими шагами»*⁴.

И, одновременно, в условиях интенсивной миграции из сел новые горожане, выходя за рамки традиционного регулирования, не становятся автоматически частью городской культуры. В результате сама эта городская культура размывается, город становится ареной не регулируемого какими бы то ни было общими правилами или нормами столкновения различных интересов и моделей поведения, борьбы за ресурсы и «жизненное пространство». *«Большие города – это большая безнравственность... Большой город – это большая бесконтрольность и большая анонимность, анонимность существования человека... Меня беспокоит то, что под видом свободы человека человек сам себя разрушает... Семья разрушается»*. И это вызывает естественный протест.

Какую же роль во всем этом играет нетрадиционный, фундаменталистский ислам? Действительно ли он означает крайний случай возврата к традиционным отношениям, полное отрицание модернизации? На самом деле это не так. *Нетрадиционный ислам на Северном Кавказе с точки зрения системы ценностей чрезвычайно противоречив, сочетаая в себе явно модернизованные и явно антимодернизованные элементы*. Частично эти элементы «распределены» между разными течениями исламского фундаментализма, частично могут переплеться в рамках единого мировоззрения.

На основе чего обычно нетрадиционный ислам рассматривается как архаизация?

⁴ В докладе курсивом выделены цитаты из интервью, взятых в ходе проведения полевого исследования на Северном Кавказе.

Социальный идеал фундаменталистского ислама – халифат, являющийся средневековым теократическим государством, не имеющим никакого отношения к современным демократическим формам правления.

В рамках нетрадиционного ислама отрицаются многие базовые принципы либеральной идеологии: свобода личности, разнообразие стилей жизни, гендерное равенство и т.п.

Фундаменталисты отрицают ценность всего светского – науки, искусства, общественной деятельности.

Фундаменталисты рассматривают современное российское государство как государство неверных и считают необходимым не участвовать в его совершенствовании, а бороться с ним любыми средствами.

Подобная оценка нетрадиционного ислама таит в себе две опасности.

Во-первых, некритически абсолютизируется представление исламских фундаменталистов об идеальном будущем, которое отождествляется непосредственно с их программой действий. Между тем социальный идеал и текущая деятельность – далеко не одно и то же. Из истории можно вспомнить отмирание государства через его усиление или бесклассовое общество, строительство которого осуществляется через обострение классовой борьбы. Но более правильно было бы обратиться к работам Макса Вебера, который анализировал роль протестантского религиозного течения в формировании предпосылок становления современного капиталистического общества. Признание того, что протестанты «не были ни основателями обществ “этической культуры”, ни носителями гуманных стремлений и культурных идеалов или сторонниками социальных реформ»⁵, а протестантизм «был весьма далек от того, что теперь именуют “прогрессом”» и «был откровенно враждебен многим сторонам современной жизни»⁶ не помешало ему признавать их модернизационное воздействие на общество, поскольку «культурные влияния Реформации в значительной своей части… были непредвиденными и даже *незжелательными* для самих реформаторов последствиями их деятельности, часто очень далекими от того, что проносилось перед их умственным взором, или даже прямо противоположными их подлинным намерениям»⁷.

Во-вторых, ряд позиций, приписываемых нетрадиционному исламу в целом, характерны лишь для отдельных, наиболее радикальных либо, напротив, чересчур близких к традиционному восприятию ислама течений. Необходимо учитывать, что нетрадиционный ислам чрезвычайно фрагментирован не только по богословским вопросам, но и по вопросам позиционирования в рамках светского государства и общества. Стратегии изоляции или

⁵ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Директ-Медиа, 2011, с. 59.

⁶ Там же, с. 14.

⁷ Там же, с. 59.

непримиримой борьбы – лишь один из возможных ответов на этот вопрос. В то время как модернизационный потенциал связан в первую очередь с умеренными, во многом городскими вариациями нетрадиционного ислама, выпадающими из поля зрения многих специалистов.

Нельзя сказать, что представляющая эту умеренную идеологию группа является наиболее значимой или количественно доминирующей (хотя ее ряды явно растут и ее представители обычно наиболее социально активны). Однако для настоящего анализа именно она представляет наибольший интерес, поскольку для нее характерны следующие ценности, явно носящие модернизационный характер.

1) Признание ценности знания. В первую очередь это, безусловно, касается религиозного знания. Но представителями этой группы ценность знания воспринимается гораздо более широко. «*У нас такое поколение выросло. Когда традиционный ислам при коммунистах, у нас религиозное село было, они говорили – вот в школе учиться нельзя, допустим. Наши, которые старейшины. Нельзя было учиться там, в городе, где-нибудь, по исламу запрещено. А мы верили, по этим стопам мы ходили. Сейчас уже, более или менее современные когда пошли, уже сам начинаешь изучать ислам, там совсем другое. Там надо учиться на самом деле, самая это дорогая вещь – знания*»; «*Некоторые деятели, имея смутные представления об Исламе, привыкли противопоставлять религию и науку, называя себя светскими людьми. Очевидно их заблуждение и подмена понятий в этом вопросе из-за отсутствия элементарного представления об исламе. Посланник Аллаха сказал: “Ищите знание, даже если оно в Китае. Так как получение знаний является фардом [обязанностью] для каждого мусульманина. И ангелы расстилают свои крылья под ноги ищащего знаний”*». Во время расцвета Ислама также бурно развивались многие точные науки и медицина».

Ценность знаний постулируется не только на декларативном уровне. Некоторые достаточно исламизированные махачкалинские диаспоры реализуют проекты поддержки светского школьного образования в своих родных селах. В самой Махачкале, а также в ряде сел представители нетрадиционного ислама открывают образовательные учреждения, сочетающие религиозное образование с получением глубоких светских знаний. Эти инициативы во многом напоминают идеологию джадидизма - движения религиозной интеллигенции, в первую очередь в Татарстане, во второй половине 19 – начале 20 веков, направленного на повышение образовательного уровня мусульман в дореволюционной России. Эта идеология предполагала, что мусульмане должны доказывать преимущество своей религии собственной более высокой конкурентоспособностью в современном мире по сравнению с другими конфессиями. Сейчас подобная идеология затронула в первую очередь Дагестан, но в нем она получает все большее распространение.

2) Признание нерушимости взятых на себя обязательств, выполнения договоров, честного поведения в отношении контрагентов. «*Договор, особенно найма, в шариате посмотрите, что это такое. Любой человек, нарушивший договор – это лицемер. А лицемеры, они бывают на самом дне ада по исламской доктрине*»; «*У меня газовый счетчик на улице стоит, и стучится инспектор, и говорит, что у тебя там накрутилось, говорит, много. “Давай я тебе перекручу, одну третью мне заплатишь этой суммы”. Стандартная схема во всей Махачкале. ... У меня окошко, я через окно ему говорю: брат, говорю, нельзя, говорю, я же мусульманин, говорю, мне, говорю, нельзя перекручивать. Он в ступоре, в полнейшем ступоре*».

В некоторых случаях это распространяется и на требование безоговорочного соблюдения светского законодательства, принятого в стране проживания. «*Я понимаю, как мусульманин, для меня это не самый совершенный закон, но это закон, который у меня сегодня есть. Я обязан своей деятельностью в обществе менять его только в рамках правил, которые я признал*». Однако в любом случае исламская идеология воспитывает законопослушность как один из основополагающих жизненных принципов.

3) Формирование цивилизованных норм человеческого общежития и здорового образа жизни. В условиях деградации правил и норм человеческих взаимоотношений, связанных с размыванием как традиционной, так и городской культуры, представители подобных взглядов фактически воспринимают себя носителями общецивилизационных норм и людьми, несущими в обществе цивилизаторскую миссию. «*Сегодня современное общество в чем заключается? Обрисую статус человека... Человек не курит – хорошо. Человек не пьет – прекрасно. Человек спортом занимается – вообще плюс. Человек не гуляет – хорошо. Человек работает – хорошо. Человек не ворует – хорошо. Но он молится – а-а-а, ваххабит!*»; «*Я в лучшую сторону отличаюсь, как мусульманин я отличаюсь от немусульман в лучшую сторону. И в отношениях с родителями, и в отношениях с соседями, в отношениях с родственниками*».

При этом необходимо понимать, что в реальности нетрадиционный ислам на Северном Кавказе противостоит не свободному демократическому обществу (о котором его представители, не покидавшие пределов России, обычно имеют весьма фрагментарное и искаженное представление), а, с одной стороны, остаткам традиционного общества, с другой стороны – тем властно-силовым коалициям, которые контролируют ресурсы в северокавказских республиках. Без этого понимания практически невозможно выявить модернизационную роль нетрадиционного ислама.

В северокавказском социуме нетрадиционный ислам воспринимается не как абсолютизация, а, напротив, как отрицание традиции. Причем обеими сторонами – и

носителями традиций, и фундаменталистами. Практически во всех селах, для которых характерен религиозный раскол, конфликт начинался с противопоставления религиозного авторитета старших авторитету тех, кто получил религиозное образование (в первую очередь молодых). «*Знание противостоит традиции*», «*в знаниях нету взрослых, маленьких*» против «*яйца начали курицу учить*», «*вот эти сопляки, они нас учить еще будут*» - такова была ценностная основа противостояния. Хорошо показывающая, что исламский фундаментализм оказался мощным инструментом легитимации подрыва поколенческих иерархий и манифестации межпоколенческого конфликта - «*если брать отцовское слово и слово Всевышнего, то выше слова Всевышнего*».

Что касается гендерных иерархий, то здесь тоже все не так однозначно. Исламский фундаментализм в рассматриваемой нами версии не признает гендерного равенства, но существенно расширяет права женщин по сравнению с нормами традиционного общества – адатами в ряде северокавказских республик. Об этом говорят даже вполне светские защитницы прав женщин, например, в Чечне. В исламе женщины имеют право на определенную долю наследства, на сохранение у себя малолетних детей в случае развода; права и обязанности в рамках семьи четко расписаны, женщина может требовать защиты своих прав и уважения своего статуса. Поэтому в определенном контексте ислам воспринимается как обоснование протesta женщины против тирании мужчины. «*Я сейчас знаю, что вот на это я имею право. То есть это мои права, Богом данные. А вот когда ты не имеешь такой основы, ты всегда сомневаешься... А вот когда ты знаешь – да, Бог дал мне право быть свободной. Почему ты, муж, меня притесняешь? Я могу идти до конца, потому что со мной Бог*». Характерна реакция защитников адата и шариата на случай убийства чести, информация о котором была размещена в сети. У первого – «*Надо было слушаться мужчин своего рода, а она затоптала их нравственный закон. Результат налицо*». У второго – «*Вот это реальный ужас. Задолбали уже самосуды устраивать*».

В целом можно сказать, что идеология исламского фундаментализма несравнимо более индивидуалистична, чем традиционная система отношений. Она не требует безоговорочного подчинения какому-то религиозному авторитету – человек сам должен овладевать знаниями, сопоставлять позиции разных богословов, искать наиболее предпочтительное с точки зрения ислама мнение в конкретной ситуации. «*Мы читаем. То есть тот же перевод Корана я читаю, те же хадисы я читаю. ... Они говорили, суфисты – типа не читай перевод. Но, в свою очередь, книга-то ниспослана людям... Читай, но не трактуй, если хочешь – есть толкования в свою очередь. Мы же должны это изучать, мы же не тупые бараны – ну пошел там по этому следу, и мы идем...*». Шариат не предусматривает коллективной ответственности – каждый сам несет наказание за свои деяния. И, наконец, сам по себе выбор

не традиционной, идущей от родителей, а новой, самостоятельно воспринятой религиозной системы – уже явная манифестация индивидуализма. На это обращал внимание Вебер применительно к протестантской реформации. «Образование аскетических общин и сект, с их радикальным отказом от патриархальных пут, с их толкованием заповеди повиноваться более Богу, чем людям, явилось одной из важнейших предпосылок современного “индивидуализма”»⁸.

Что касается противостояния системе властно-силовых коалиций, характерной для северокавказских республик, то здесь фундаменталистский ислам выступает в двух ипостасях.

С одной стороны, он дает идеологическое обоснование протesta против этой системы, не способной, с точки зрения представителей данного течения, обеспечить порядок и справедливость, противопоставляя ей основанное на шариате исламское государство как социальный идеал. Причем надо понимать, что не на уровне высокой идеологии, а на уровне повседневной жизни протest вызывает не современное правовое демократическое государство, а именно клановая коррупционная система, обеспечивающая несправедливые привилегии для богатых и облеченных властью и перекрывающая вертикальные лифты для всех остальных. «*У нас что получается. Богатые протаскивают своих детей, которые, может быть, далеко отстают. Но они их протаскивают. Вундеркинды настоящие, умницы, они остаются, никто ими не занимается*»; «*Самореализоваться не можем мы, и молодежь не может вот в сегодняшней системе. Коррупция, клановость и все остальные клише, которые есть*». Именно несправедливости со стороны государства – начиная от невозможности самореализоваться и заканчивая силовым произволом – в первую очередь приводят к восприятию его как чуждого и враждебного.

С другой стороны, ислам предлагает альтернативную юрисдикцию – правовую систему, позволяющую разрешать споры и конфликты. Причем, опять же, необходимо понимать, что на практике это выступает не как альтернатива функционирующему правовому государству, основанному на светских законах, а как следствие того, что эти законы не работают. «*Они [светская власть] не соблюдают, сами нарушают эти законы... Там и воровство запрещено, и то, и другое запрещено. Мы тоже это понимаем. Но они не соблюдают. Везде. Почему без конца воруют?*»; «*Какому суду вы поверите сейчас, допустим, в Дагестане?... Если спина [т.е. высокопоставленная поддержка], можно любого вытащить оттуда*».

Какова же система разрешения конфликтов, альтернативой которой выступает шариат, если ею не является функционирующее российское законодательство? Изучая ситуацию в Республике Дагестан, наши коллеги очень удачно назвали ее коалиционным клинчем, под

⁸ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма..., с. 174.

которым понимается «постоянно происходящая конкуренция между коалициями, члены которых пытаются усилиться за счет укрепления своего положения и положения наиболее близких к ним членов коалиции в социальных структурах»⁹. Соответственно, при возникновении конфликта каждый из его участников стремится подтянуть ресурсы своей коалиции, в первую очередь силовые и властные. Кто сможет более убедительно продемонстрировать превосходство собственной коалиции, тот и побеждает в споре. В этих условиях «суды перестают быть институтами правосудия и превращаются в арену борьбы между разными группировками»¹⁰. Очевидно, что механизм разрешения конфликтов в рамках коалиционного клинча чрезвычайно затратен, нестабилен, требует длительного времени. «В результате возникает спрос на более дешевый, предсказуемый и легитимный порядок»¹¹.

Этот спрос четко фиксируется не только исследователями, но и местными жителями. «*У нас как пытаются сперва. Пытаются на первый случай богатый человек, сильный человек, он хочет своей силой удавить кого-то там и вот так решать, короче говоря. Не везде, но, все-таки, это имеет место. Просто так вот, за то, что он сильный, за то, что он богатый или просто даже физически сильный. Тот, например, если тоже такого же самого уровня, тоже может, то у них конфликт уже сильный, который безостановочно будет. И то, что они к этим людям идут, к имаму, это для них обоих очень оптимальный вариант*».

В обращении к шариатскому судопроизводству его сторонники видят следующие плюсы:

- дела в шариатских судах разрешаются быстро;
- организационно процедура чрезвычайно проста;
- возможен выбор судьи по договоренности сторон, исходя из его знаний и репутации;
- возможно рассмотрение дел без письменных документов, что особенно важно в условиях широкого распространения теневой экономики;
- можно разрешать дела, включающие много различных самостоятельных эпизодов (например, долговая цепочка со многими участниками, ДТП с травмами и последующей дракой);
- считается, что решение базируется на нормах, источником которых являются не люди (которые могут ошибаться), а воля Всевышнего;

⁹ Варшавер Е., Круглова Е. «Коалиционный клинч» против исламского порядка: динамика рынка институтов разрешения споров в Дагестане // Экономическая политика, Том 10, № 3, июнь 2015, с. 97.

¹⁰ Там же, с. 96.

¹¹ Там же, с. 95.

- случаи коррупции чрезвычайно редки (и в основном связываются с деятельностью «официальных» шариатских судов при муфтиятах).

При этом, на Северном Кавказе, по имеющейся информации, шариатское судопроизводство:

- не применяет уголовные наказания, то есть не происходит забивания камнями, отрубания рук и других аналогичных предусмотренных в Коране мер; физические наказания чрезвычайно редки (все известные случаи связаны с кражей невесты);
- в первую очередь конкурирует с российским законодательством в решении семейных и бизнес-вопросов, а также урегулировании последствий драк и ДТП;
- часто заполняет лакуны российского законодательства, то есть регулируются вопросы, напрямую в законе не прописанные.

На Северо-Западном Кавказе, где исламизация общества не столь глубока, а действенность российского судопроизводства примерно соответствует среднероссийской, использование альтернативных юрисдикций менее распространено.

При том, что, очевидно, неправильно отождествлять нетрадиционный ислам с архаикой, вопрос о том, как соотносится исламская идеология с ценностями либерализма и демократии, не снимается с повестки дня. Здесь необходимо отметить несколько моментов.

Во-первых, сама по себе либеральная доктрина не имеет сейчас особой базы для распространения на Северном Кавказе, поскольку для поколения, пережившего 90-е, ассоциируется с развалом и хаосом. И с этой точки зрения позиции исламистов и атеистов не сильно отличаются друг от друга. Приведем две цитаты, одна из которых принадлежит человеку сугубо светскому (подчеркивающему свой атеизм), другая – представителю нетрадиционного ислама. Они во многом совпадают даже текстуально.

1) «*Почему мы считаем, что либеральная демократия ... - это объективный единственный путь развития общества? ... Я подхожу к этому с той точки зрения, что ... весь этот процесс должен подчиниться ... явлению, которое называют у нас нравственностью. ... И экономические, и другие процессы должны. ... Если я человеку говорю: ... написано на знаменах либерализма принять право человека, а коллектива, государства и так далее на втором месте, рядом стоящего человека ты можешь не видеть, это к нравственности не приведет. ... Сейчас я ничему не верю. Меня этот либерализм довел до такого состояния, что я ничему не верю. Я не верю ни государству, и не верю людям рядом – они преследуют свои цели, я не верю никому!».*

2) «*- Моя личная точка зрения – это то, что Россия должна преодолеть эти вот либеральные моменты, не свойственные изначально. ... Потому что либерализм... в*

Дагестане в частности, он чреват в силу того, что вот, мы знаем, либерализм кавказцев - ... с пистолетами пугают в метро.

- Это не либерализм, это беспредел.

- Ну он же и беспредел, потому что внушены были либеральные ценности, к которым абсолютно не готовы, понимаете. И это надо как-то преодолеть».

Во-вторых, в целом отношение к демократии у представителей умеренной ветви исламского фундаментализма весьма противоречиво. С одной стороны, социальный идеал фундаменталистов – теократическое государство – антидемократичен, и потому либеральная идеология рассматривается как основной противник и основной конкурент исламизма. С другой стороны, для мирной пропаганды своих взглядов, реализации религиозных практик и поддержки членов уммы (исламского сообщества) фундаменталистам необходимы демократические права и свободы – свобода слова, свобода вероисповедания, свобода собраний, свобода печати и т.п. И в случаях нарушения их прав, силового произвола они вынуждены апеллировать именно к этим, закрепленным в Конституции демократическим ценностям. «Считая меня гражданином, государство должно обеспечить определенные... права и свободы мои. ... И я выступаю и требую»; «Я понимаю, мне бы сказали:... Конституция РФ запрещает носить бороду такой-то длины. Пожалуйста, я буду оставлять именно столько или же я перееду в другую страну»; «Есть рамки принципов демократии. Есть же рамки. Внутри этих рамок мы можем действовать? Все, мы действуем, мы делаем ислам такой, какой мы хотим». Эту двойственность прекрасно описал Славой Жижек в своей книге «О насилии»: «Язык уважения – это язык либеральной толерантности: уважение имеет смысл только как уважение к тем, с кем я *не* согласен. Когда оскорбленные мусульмане требуют уважение к своей инаковости, они принимают структуру либерально-толерантного дискурса»¹².

В-третьих, в подобных условиях разброс ответов на вопросы об участии в общественной жизни, в выборах, о возможностях взаимодействия с государством среди сторонников нетрадиционного ислама очень широк. Причем ответы частично определяются особенностями исламской доктрины, а частично – просто опорой на здравый смысл, тем более что соотношение пользы и вреда как аргумент за или против того или иного действия в исламе имеет большой вес. Некоторые считают для себя возможным участвовать в политической жизни, заниматься правозащитной деятельностью, гражданской журналистикой. Другие включаются в различные общественные инициативы – благотворительность, городской активизм, борьбу с наркоманией.

¹² Жижек С. О насилии. – М.: Издательство «Европа», 2010, с. 102.

С точки зрения идеологии можно выделить «исламистов-демократов» – тех сторонников нетрадиционного ислама, которые признают важность демократических ценностей. Это может выражаться в двух формах.

С одной стороны, это утверждение важности механизмов, характерных для западных демократий, для мусульманского сообщества, во всяком случае на современном этапе развития. *«Если это демократия..., то у нас примерно должно быть так, как в Европе, в Австралии, скажем. Можно ходить в хиджабах, с бородой, с короткими штанами, без трусов, с трусами – не важно. То есть чтобы не акцентировала внимание власть. Этого нет у нас»*; *«Мне хотелось бы, чтобы мы жили хотя бы по тем законам, которые существуют в России, и не нарушили наши права. Хотя бы. Это меня устроило бы. ... В демократической стране. Например, у нас же есть свобода слова, свобода вероисповедания, чтобы вот это все соблюдалось, как должно соблюдаться. Этого достаточно, мне кажется, в России. А чего еще хотеть?»*.

С другой стороны, это признание важности демократических механизмов в рамках идеального исламского государства. *«Вот в этом смысле, какой закон для всех граждан, исламский или другой, вот здесь должно быть понимание всеми гражданами, какой закон для них лучше, выбор должен быть. ... Кто является носителем власти, права на власть? Народ же должен быть ... Сила должна быть связана с правдой, с истиной. Истину с кем связать? Это с народом должно быть, народ должен иметь власть, то есть право на власть. Он должен избрать своих руководителей, он должен установить законы»*.

Подобные взгляды частью фундаменталистов объявляются «еретическими», сектантскими. Тем не менее, они явно присутствуют в идеологическом спектре современного северокавказского ислама.

В то же время среди фундаменталистов достаточно распространена и другая, альтернативная система ценностей, носящая очевидно антимодернизационный характер: отрицание ценности знаний, стремление максимально отгородиться от окружающего светского общества, активное неприятие любого взаимодействия с внешним по отношению к религиозной общине миром, сочетающееся с социальным иждивенчеством. Именно она является базой как изоляционизма (отмежеваться от погрязшего в грехе мира в собственных закрытых сообществах), так и агрессии (свергнуть власть неверных и сформировать государство на основе принципов истинной религии). И именно из нее растут корни насилиственных действий, вооруженного сопротивления, джихада.

Одновременно необходимо понимать, что представление обо всех нетрадиционных мусульманах как о религиозных фанатиках – чрезвычайно вредное заблуждение. Значительная часть адептов данного течения достаточно pragматично подходит к решению

вопросов своего «светского» существования, ориентируясь в первую очередь на соображения здравого смысла и рационально выбирая свою жизненную стратегию, не противоречащую при этом их религиозным убеждениям. В одних социальных условиях они, сохраняя свою специфическую идентичность, могут вполне органично вписаться в окружающую действительность, в других – стать непримиримыми противниками власти и выбрать путь вооруженного противостояния.

Чтобы лучше оценить возможную палитру мнений, рассмотрим более подробно отношение исламских фундаменталистов к выборам – предмет одного из самых острых размежеваний в их среде. В соответствии с исследованием, проведенным при подготовке данного доклада, здесь можно выделить по меньшей мере четыре разные позиции.

- Политическая деятельность, в том числе участие в выборах на всех уровнях, допустима. При этом собеседники готовы обсуждать необходимые предпосылки перехода к эффективной выборной системе (например, люстрация), допуск к выборам религиозных политических партий и тому подобные вполне прикладные вопросы.

- Допустимо участие только в местных выборах, поскольку местные власти не принимают законодательные акты, а занимаются в первую очередь решением хозяйственных вопросов. Принятие законов – узурпация функции, которая принадлежит Всевышнему, поэтому участие в выборах любой законодательной власти недопустимо. Вопрос об участии в местных выборах определяется по критерию «польза/вред».

- Вопрос решается на основе здравого смысла, без особой доктринальной базы: может ли мой голос на что-то реально повлиять?

- Считается недопустимым участие в любых выборах и любых формах общественной, политической деятельности (наиболее радикальные фундаменталисты).

Таким образом, нетрадиционный ислам на Северном Кавказе – это протестная идеология, совмещающая в себе модернизационные и антимодернизационные характеристики и противостоящая как традиционной организации жизни, так и существующим в северокавказских республиках властно-силовым коалициям, хотя иногда и используемая ими. Неприятие ценностей свободы и демократии на доктринальном уровне среди исламских фундаменталистов – достаточно серьезная проблема дальнейшего развития региона, однако ситуация не столь однозначна, как кажется на первый взгляд. На самом деле их позиция по этому вопросу внутренне противоречива, а применительно к конкретным аспектам реализации прав граждан и участия в политической деятельности существует широкий разброс мнений. На практике идеология исламского фундаментализма в регионе противостоит не работающему правовому светскому демократическому государству, а клановой, коррупционной системе, не способной обеспечить порядок и справедливость, антитезой

которой для ее адептов и выступает исламский халифат. Значительная часть сторонников данного течения вполне рационально подходит к построению своих жизненных стратегий, и их выбор в пользу встраивания в жизнь общества либо вооруженного противостояния с властью во многом зависит не от их идеологии, а от тех социальных условий, в которых они оказываются.

2. ПЕРСПЕКТИВЫ СМЕНЫ ЭЛИТЫ

2.1. Особенности устройства элиты на Северном Кавказе

Особенности формирования местной элиты, установленные в ней «правила игры» и риски, связанные с любой попыткой смены элит, часто рассматриваются как один из основных компонентов «кавказской специфики», затрудняющих какие-либо преобразования на Северном Кавказе. Распространенными являются следующие представления о северокавказской элите, на которые чаще всего ссылаются как на причины неприменимости на Северном Кавказе механизмов, с помощью которых в развитых странах обеспечивается политическая конкуренция и сменяемость элит:

- Элита республик Северного Кавказа была сформирована по архаичным, «родовым» или «сословным», принципам еще задолго до политических потрясений, имевших место в России в конце 20 века; ее формирование отражает традиционный уклад, сохранившийся в северокавказском социуме;
- При распределении высоких должностей в государственном и муниципальном управлении в северокавказских регионах основным регулирующим механизмом является неформально установленный принцип национального квотирования, то есть основную роль играет соблюдение межэтнического баланса «в верхах»;
- Северокавказская элита состоит из особых групп - «кланов», организованных принципиально иначе, чем неформальные союзы чиновников и предпринимателей в других регионах России.

Если такой набор представлений полностью верен, то говорить о применимости современных механизмов сменяемости элиты в регионах Северного Кавказа в обозримом будущем было бы, действительно, неуместно. Но наши исследования показывают, что все перечисленные представления отражают реальность лишь отчасти. Во-первых, разные северокавказские республики на сегодня существенно отличаются друг от друга по политическим практикам и устройству элиты, и делать какие-либо суждения относительно Северного Кавказа в целом надо с большой осторожностью. Во-вторых, практически во всех случаях, где обнаруживаются такие архаичные элементы политической реальности, они не определяют эту реальность полностью, а сосуществуют с тенденциями совершенно иного рода. Здесь, как и в других сферах, Северный Кавказ сегодня обнаруживает определенную «подвижность», конкуренцию разных норм и укладов. Вместе с тем, определенные отличия северокавказских республик от других регионов РФ в отношении устройства элиты являются

реальностью, и эти реальные отличия, действительно, затрудняют введение механизмов политической конкуренции и ротации элит на Северном Кавказе.

Итак, все перечисленные представления заслуживают критической оценки. Начнем с представлений об архаичном устройстве северокавказских элит, об их формировании из замкнутого состава семейств на протяжении длительного времени. На деле в персональном составе элиты в большинстве республик за последние 25 лет произошли заметные изменения. В Приложении А показано, что формирование постсоветских элит в разных республиках Северного Кавказа шло разными путями, но только в одной республике – Кабардино-Балкарии – можно говорить о том, что позднесоветская элита в 1990-2000-е годы удержала в регионе доминирующее положение, практически не дав шанса возможным конкурентам получить какие-либо значимые позиции в региональной власти и сохранив контроль за ключевыми процессами в бизнесе. В других регионах, даже если партийно-советская элита в целом сохраняла контроль за ситуацией после распада СССР, она вынуждена была «потесниться» и пустить в свои ряды выходцев из совершенно иных социальных групп. В Карачаево-Черкесии уже в 1990-е заметное место в республиканской элите получили местные «щеховики», в Дагестане – лидеры национальных общественных движений и предприниматели. Примечательно, что механизмы «входа» в региональную элиту тех, кто к ней ранее не принадлежал, могли быть разными: в некоторых случаях кооптация новых элементов шла на основе их договоренностей с руководством региона, в других случаях они завоевывали свои позиции в борьбе с региональными руководителями и в целом со «старой» элитой. Что же касается Ингушетии и особенно Чечни, то там имеющаяся сейчас региональная элита практически полностью была сформирована в постсоветское время. Видеть в северокавказской элите архаичное образование, длительный период остававшееся неизменным по принципам своего формирования или по составу образующих ее семей, нет реальных оснований.

Обратимся теперь к представлениям о межэтническом балансе как центральном факторе, влияющем на формирование элиты в северокавказских республиках. Эти представления относятся прежде всего к чиновничеству. Очевидно, что закрепление значимых должностей в государственном и муниципальном управлении за какими-то национальностями во всех случаях затрудняет функционирование «карьерных лифтов», основанных на профессиональных качествах соискателей, а также политическую конкуренцию. Однако насколько действенной является на сегодня система «национального квотирования» на Северном Кавказе?

С одной стороны, существование такой системы в многонациональных регионах трудно оспорить. Она, безусловно, действует при распределении высших должностей (главы региона,

председателя правительства, спикера регионального парламента) в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карабаево-Черкесии. Есть неформальные договоренности о национальной принадлежности депутатов обеих палат Федерального Собрания РФ от указанных регионов, а также ключевых муниципальных чиновников в многонациональных городах и районах. В региональных СМИ, особенно дагестанских, регулярно можно читать о различных «разменах» должностей между различными национальностями, сопровождающих кадровые перестановки.

С другой стороны, очевидно, что система «национального квотирования» подвергается в последние 10-15 лет весьма существенной эрозии. Это проявляется, в частности, в следующем. Во-первых, сокращается количество должностей, замещение которых регулируется этой неформальной системой. Так, в Дагестане в последние годы не раз имела место замена чиновника одной национальности на чиновника другой национальности на уровне вице-премьеров и министров, и вовсе не всегда это сопровождалось, как раньше, «компенсирующей» кадровой заменой, когда какое-либо назначение получал представитель национальности, «потерявшей» должность. Также ряд замен глав городов и районов, осуществлявшихся за последние два года по инициативе главы Дагестана, шел со «сменой» национальности муниципального руководителя и это не вызывало значительных проблем.

Во-вторых, налицо постепенное размывание тех факторов, которые в первые постсоветские годы сделали востребованной систему «национального квотирования». Тогда следование этой системе (отчасти существовавшей и ранее) было способом предотвратить межнациональные конфликты. Этнические общественные движения, очень активные в республиках Северного Кавказа в 1990-е, особое внимание уделяли именно «представленности» своего народа на высоких должностях, и изменения национальности не только министра, но даже, например, ректора вуза, легко вызывали тогда дестабилизацию. Сегодня интерес рядовых граждан и даже этнических активистов к национальной принадлежности чиновников значительно ниже, чем был еще 10-15 лет назад. Наше исследование показывает, что по крайней мере с конца 2000-х в большинстве случаев массовых протестов против назначения того или иного чиновника, даже если эти протесты шли под этническими лозунгами, состав участников на деле был многонациональным. Участников таких протестов объединяла не национальная принадлежность, а экономические или политические интересы, задетые состоявшимся назначением. Если замена крупного чиновника на представителя другой национальности не создает существенной угрозы чьим-либо деловым интересам, она, как правило, не сопровождается публичными протестами: один лишь фактор «национального представительства» перестал быть мобилизующим.

Примечательно, что падение интереса к национальному представительству «в верхах» наблюдается даже в тех республиках, где активность этнических общественных организаций по-прежнему достаточно высока. Так, из бесед с теми балкарскими активистами Кабардино-Балкарии, которые в своей общественной деятельности концентрируются в основном на земельных вопросах, становится очевидным, что наличие балкарцев на высоких постах в регионе их интересует крайне мало. В среде этнических активистов укрепляется представление о том, что чиновники, занимающие в регионе высокие должности по «национальным квотам» от тех этносов-меньшинств, на деле не защищают интересов своего народа, а лишь формально выполняют роль его представителей. Тем самым и принцип «национального квотирования» вызывает все меньше интереса за пределами чиновничего круга. Внутри него ссылки на необходимость «справедливого распределения» постов между разными национальностями продолжают звучать, когда они служат удобным аргументом за или против того или иного назначения. Но по мере того, как «снизу» интерес к таким квотам и вероятность протестов при их нарушении будет падать, действенность этих аргументов будет уменьшаться.

Перейдем, наконец, к еще одному распространенному представлению об устройстве северокавказской элиты – к представлению о том, что она распадается на особые группы («кланы»), не имеющие аналогов в других российских регионах. В целом «клановость», действительно, относится к тем особенностям современного Северного Кавказа, которые отличают его от «остальной» России. Однако, говоря о клановой структуре Северного Кавказа, надо различать ее реальные свойства и связанные с ней мифы.

«Кланы» в северокавказских республиках – это союзы чиновников и предпринимателей, создаваемые для решения практических задач: расширения контроля над финансовыми потоками, укрепления политического влияния в регионе, развития связей за его пределами. Союзы, создаваемые с такими целями, легко найти и в большинстве других российских регионов. Вопреки расхожему представлению, по крайней мере в многонациональных республиках Северного Кавказа большинство «кланов» – также многонациональны. Например, клан ныне осужденного мэра Махачкалы Саида Амирова, один из самых могущественных в Дагестане до его ареста в 2013 году, хотя и включал многих родственников Амирова и его соплеменников-даргинцев, важной составной частью имел и его союзников из южного Дагестана, принадлежавших к другим национальностям. Ситуация же, когда «клан» всецело состоит только из родственников, крайне редка. «Кланы» как союзы чиновников и предпринимателей следует отличать от традиционных северокавказских родовых структур (тухумов, тейпов).

Однако ряд особенностей «кланового» устройства все же, действительно, отличают северокавказские республики от «стандартного» российского региона. Важнейшие из этих особенностей, на наш взгляд, таковы:

- «Кланы» имеют жесткую иерархическую организацию, включающую лидера, его «ближний круг» и контролируемых членами «ближнего круга» чиновников, сотрудников правоохранительных органов, предпринимателей. Основным фактором, определяющим положение в этой иерархии, являются личные связи с теми, кто занимает в ней высокое положение. В «ближнем кругу» лидера клана может быть достаточно много его родственников. Это не обязательное, но очень распространенное свойство «клановых» структур. Очевидно, что чем более «родственным» по составу своей руководящей части является «клан», тем меньше возможностей для «карьерных лифтов» внутри него имеется для людей, не входящих в родственный круг лидера.
- Позиция главы «клана» по факту важнее, чем любая «формальная» должность. Это очень ярко видно в Дагестане, где ряд «клановых» лидеров в последние годы потеряли должности, но (в случае, если остались на свободе) продолжают не только контролировать заметные активы, но и, например, влиять на формирование местного самоуправления и на ряд назначений в республиканской власти, на разрешение различных конфликтов и т.д. Вес «клановых» отставников может быть больше, чем действующих высокопоставленных чиновников, не относящихся ни к какому «клану». Кроме того, сами по себе отставки «клановых» фигур – большая редкость. Если на «клан» не предпринимается массированная атака, сопровождаемая возбуждением уголовных дел, то его лидер, теряя одну должность, с огромной вероятностью получит другую.
- Появление новых «клановых» структур надежно блокировано имеющимися «кланами», не желающими иметь новых конкурентов в рамках действующей системы. Новые неформальные группы, функционирующие по принципу «кланов», на практике удается создавать только новым руководителям регионов – но и им не всегда.

Такая ситуация, очевидно, делает невозможной полноценную смену элит в республиках Северного Кавказа, если под таковой понимать не замену первого руководителя или какие-то другие «точечные» кадровые перемены, а создание такой системы, когда образование, опыт и деловые качества становятся основным условием успеха на госслужбе и в бизнесе. В рамках описанной системы нет места «карьерным лифтам» для тех, кто не связан ни с одним из имеющихся в регионе «кланов». Более того, потенциал сопротивления ротации элит в «клановой» системе значительно выше, чем в большинстве российских регионов за пределами Северного Кавказа.

При этом необходимо отметить, что описанная «клановая» система в разных республиках Северного Кавказа может быть в различных отношениях с главой региона. В Дагестане, Карачаево-Черкесии в 1990-2000-е годы сложилась ситуация, при которой наиболее крупные «кланы» не находятся под полным контролем главы региона, а состоят с ним, скорее, в отношениях партнерства (в некоторых случаях переходящего в конфронтацию). В последние годы в этих республиках «клановая демократия» испытала заметное давление, однако не прекратила своего существования. В Кабардино-Балкарии, в силу существовавшей до середины 2000-х годов формы правления, «кланов», не подконтрольных полностью главе региона, практически нет. В Ингушетии, где персональный состав региональной элиты и система отношений в ней отличаются нестабильностью, союзы чиновников и предпринимателей также достаточно нестабильны, как и характер их отношений с главой региона. Однако созданию механизмов ротации элит и «карьерных лифтов», основанных на профессиональных качествах соискателей, «клановая» система препятствует вне зависимости от того, в какой мере она контролируется главой региона. Даже если внутри этой системы имеются достаточно «демократические» отношения, не предполагающие полного подчинения ее элементов единому центру, это никак не влияет на открытость системы извне.

Итак, с нашей точки зрения, роль родственного и национального факторов во внутренней структуре элиты преувеличена, но другие ее факторы – прежде всего, «клановая» структура элиты – мешают политической конкуренции и ротации. Эта структура имеет сегодня большую жизнестойкость в большинстве северокавказских регионов, она успешно «пережила» не один раунд политических преобразований постсоветского времени, затрагивавших региональные элиты, и нет никаких оснований думать, что она не способна сохранить свои позиции за фасадом любой «модернизации сверху», которая может быть инициирована в северокавказских республиках. Мы также видели, что важной причиной устойчивости этой системы является гарантированное ею отсутствие таких путей «наверх», которые не контролировались бы лидерами «кланов». Это обстоятельство будет иметь принципиальное значение для любых будущих попыток создать альтернативу «клановой» системы: в текущих условиях при ее демонтаже большой проблемой будет найти управленцев, имеющих опыт, необходимый для замещения высоких позиций в руководстве регионов, но при этом не связанных ни с каким «кланом». Внутри «кланов» при этом также вряд ли найдутся такие кандидаты, поскольку, как было показано, карьерные успехи в «клановой» системе в малой степени связаны с профессионализмом и деловыми качествами. Таким образом, попыткам изменить действующую структуру элиты на Северном Кавказе, прежде всего, элитыправленческой, должно предшествовать создание альтернативной системы подготовки и отбора кадров.

2.2. Возможность конкурентных выборов на Северном Кавказе

К вопросу об устройстве элиты на Северном Кавказе тесно примыкает вопрос о возможности проведения всенародных выборов в северокавказских регионах. Здесь тоже имеется ряд распространенных представлений, во многом определяющих в настоящее время политику как региональных, так и федеральных органов власти на Северном Кавказе. К таким представлениям относятся следующие:

- Проведение всенародных выборов на Северном Кавказе, особенно в многонациональных республиках, городах, районах с большой вероятностью спровоцирует межнациональную напряженность или даже открытое межэтническое противостояние;
- Поддержка того или иного руководителя (или кандидата в руководители) гражданами в регионах Северного Кавказа на выборах, в ходе массовых акций и т.д., определяется родственными связями, национальностью, солидарностью «земляков», но не принципами и качеством той политики, которую он проводит (или собирается проводить).

Результаты наших исследований не дают оснований охарактеризовать эти представления как однозначно верные или однозначно неверные. Ниже мы рассмотрим степень адекватности этих представлений для выборов разных уровней.

Выборы глав сельских поселений. Когда в 1990-е годы села Северного Кавказа стали самостоятельно выбирать своих глав, чиновники вышестоящих уровней практически не вмешивались в этот процесс и никак его не контролировали. О том, как именно проходили те первые «раунды» всенародного избрания глав, имеется много разнообразных свидетельств, однако очевидно, что от реальной конкуренции программ и уровня компетентности соискателей те выборы были достаточно далеки. На них могли играть первостепенную роль либо родственная солидарность (большинство сельчан голосовали за члена своего рода или за того кандидата, за которого солидарно решил голосовать их род), либо авторитет влиятельных выходцев из села, поддерживавших кого-то из кандидатов, либо силовой и финансовый ресурс чиновников или криминальных авторитетов, заинтересованных в определенном исходе выборов.

Однако позднее, в 2000-2010-е гг., на выборах сельских глав стали происходить заметные перемены, причем шли они по разным направлениям. Во многих селах избрание главы было поставлено под жесткий фактический контроль со стороны районного руководства, выборы оказались полностью лишены реальной состязательности. Однако в ряде сел, нередко вопреки давлению вышестоящих чиновников, выборы глав не только сохранили

интригу, но и отдалились при этом от тех «стандартов», по которым они шли в 1990-е годы. Можно выделить несколько «обновленных» сюжетов сельских выборов:

- Кандидаты могут противостоять друг другу как протеже вышестоящего руководителя (главы муниципального района; главы региона) и его противник. В таких случаях голосование избирателей превращается в своего рода политический «референдум» о доверии вышестоящему руководителю, и есть прецеденты того, что победу одерживал его противник, сумевший успешно противостоять административному ресурсу.
- В селах, где имеется достаточно многочисленное и активное молодежное сообщество, молодежи иногда удается выдвинуть и даже привести к победе «своего» кандидата, выступающего с инициативами по радикальному обновлению села. В этом случае на выборах возникал своего рода «межпоколенческий конфликт», но избиратели не всегда определяли свои предпочтения в силу возраста. Здесь реальную роль могло играть сопоставление подходов и программ кандидатов.

На конкурентных сельских выборах роль родственной солидарности снижается: даже в Ингушетии, где родовые (тейповые) связи сохраняют большое значение, множатся примеры того, как члены одного и того же тейпа голосуют за разных кандидатов. В селах других регионов в ходе борьбы на выборах между сторонниками кандидата, поддержанного районным руководством, и сторонниками «оппозиционного» кандидата по разные стороны нередко оказывались даже близкие родственники. Иными словами, на сельских выборах периодически можно было видеть ростки новой общественной реальности, где родственные отношения и другие факторы, заданные традицией, переставали играть доминирующую роль.

Выборы глав районов и городов. Вплоть до второй половины 2000-х годов муниципальные выборы этих уровней в большинстве регионов Северного Кавказа (за исключением Ингушетии и Чечни) были всенародными. Как правило, они более жестко контролировались региональной властью, чем выборы глав сельских поселений, однако известны случаи, когда они были конкурентными, а также случаи, когда такая конкуренция приводила к победе оппонента республиканского руководства. Даже будучи конкурентными, выборы этого уровня редко становились конкуренцией идей или программ: они были больше похожи на «конкуренцию лояльности», когда за одним кандидатом стоял руководитель республики, а за другим – лидер недружественного ему «клана». Однако принципиальную возможность на Северном Кавказе цивилизованного перехода поста мэра или главы района от одного лица к другому по результатам электоральных процедур эти выборы продемонстрировали. Что касается межнациональных аспектов, то в полигэтнических регионах выборы данных уровней чаще всего шли в соответствии с неформальной системой

договоренностей о «национальном квотировании», и случаи, когда какие-либо кандидаты выдвигались с нарушением этих договоренностей, были крайне редки.

В настоящее время на Северном Кавказе практически не осталось сел, районов и городов, главы которых избирались бы всенародно. Большинство глав сел выбирается сельскими советами местного самоуправления, главы районов и городов – депутатскими советами соответствующих уровней. Такая система выборов, безусловно, дает региональной власти больший контроль над формированием местного самоуправления, страхует ее от возможных «неожиданностей». Однако, по нашему мнению, имеющийся достаточно большой опыт проведения всенародных выборов данных уровней на Северном Кавказе не позволяет говорить о том, что для их проведения имеются серьезные «противопоказания». Более того, эти выборы могли бы служить – отчасти, как мы видели, уже служили – для северокавказского социума той школой конкурентной политики, приобретенные в которой навыки могли бы впоследствии потребоваться и на выборах более высокого уровня.

Вопрос о рисках проведения на Северном Кавказе *выборов глав регионов* (сейчас такие выборы сохранены только в Чечне) представляется нам более сложным. Невозможно отрицать тот факт, что в конце 1990-х – начале 2000-х годов ряд кампаний по выборам глав северокавказских регионов по уровню рисков заметно превосходил «стандарт» таких кампаний в других частях РФ. Здесь уместно вспомнить и выборы главы Карачаево-Черкесии в 1999 году, когда регион оказался близок к серьезному конфликту с участием больших масс населения, и выборы главы Ингушетии в 2002 году, когда битва «административных ресурсов» разного уровня поставила регион на грань силового противостояния. Вместе с тем, следует отметить, что опыт проведения выборов данного уровня в регионах Северного Кавказа слишком мал для того, чтобы предсказывать, в каких условиях эти выборы создают риски, в том числе для межнациональных отношений, а в каких – нет. Так, в той же Карачаево-Черкесии через четыре года после событий 1999 года, в 2003 году, всенародные выборы прошли без каких-либо заметных обострений, несмотря на то, что состав основных политических игроков практически не изменился. При этом в Дагестане, где также сложный национальный состав, всенародных выборов не проводилось вовсе.

Однако определенные риски, связанные с всенародными выборами глав регионов, не должны вести к отрицанию возможности развития на Северном Кавказе электоральной демократии как таковой. Более того, ее развитие на уровне местного самоуправления может стать одним из перспективных инструментов модернизации региона.

3. ФАКТОР НАСИЛИЯ

3.1. Этнически мотивированное насилие

Еще одно распространенное представление о Северном Кавказе состоит в якобы постоянно существующей там напряженности межэтнических отношений, из-за которой в любой момент обстановка в регионе может быть серьезным образом дестабилизирована. Этот фактор риска часто рассматривается как препятствие к любым преобразованиям в северокавказских республиках, как своего рода «индульгенция» отказу от любых попыток серьезного изменения имеющегося там уклада на более современный. Действительно, в ситуации, когда этническая «стихия» может вырваться наружу в любой момент, более разумным кажется согласиться на любую консервацию существующего порядка до тех пор, пока он удерживает эту «стихию» в берегах. Однако анализ показывает, что опасность «стихии» сильно преувеличена и, более того, во многом рукотворна. В последние полтора десятилетия практически все ситуации, в которых действительно имели место протесты под этническими лозунгами, на Северном Кавказе были связаны не с некой «традиционной» сложностью межэтнических отношений, а с непродуманной политикой органов власти по вполне конкретным хозяйственным или административным вопросам. Угроза насилия, связанного с этническими проблемами, по факту возникает не из-за некой «архаичности» северокавказских регионов, а из-за конкретных ошибок, совершенных в самом недавнем прошлом.

Такой вывод можно сделать на основе анализа этнических протестных выступлений (митингов, массовых акций, распространения протестных заявлений в СМИ), которые в последние 15 лет проходили на Северном Кавказе. Абсолютное большинство таких выступлений было вызвано одной из двух причин:

- Противоречия, связанные с преодолением последствий сталинских депортаций народов;
- Земельные конфликты.

Рассмотрим эти причины по порядку.

Сталинские депортации продолжают оказывать влияние на сегодняшний Северный Кавказ не только потому, что раны, нанесенные насилиственным выселением на чужбину, остаются в исторической памяти народов. Значительное количество дополнительных проблем было порождено при возвращении народов из депортации во второй половине 1950-х годов. Дело в том, что ряд административных границ на Северном Кавказе, измененных сразу после депортаций, не был восстановлен при возвращении депортированных на родину. После

падения СССР стали ставиться вопросы о восстановлении «додепортационных» границ. При этом законодательная база, на основе которой такое восстановление могло бы быть осуществлено, была и остается недостаточной или противоречивой. Положение осложнялось тем, что во многих случаях на те территории, с которых были депортированы народы, вслед за депортациями были так же насильственно переселены большие группы жителей; они и их потомки продолжали проживать там после распада СССР, не имея возможности просто «освободить» эти территории в пользу тех, кто был оттуда выселен. Перечислим три наиболее заметных вопроса об административных границах, связанные с последствием депортаций:

- Вопрос о Пригородном районе Северной Осетии. Значительная часть нынешнего Пригородного района до 1944 года находилась в составе Чечено-Ингушской АССР и была населена преимущественно ингушами. После депортации данная территория была передана Северной Осетии, а при возвращении ингушей на родину была оставлена в ее составе. Ингуши вернулись к родным очагам в Пригородном районе, но район стал более многонациональным по составу, чем до депортации (позднее также его территория была расширена за счет земель, на которых ингуши не проживали). Во время Перестройки ингушские активисты потребовали включить Пригородный район в состав Чечено-Ингушетии. Эти требования стали звучать более решительно, когда после распада СССР Ингушетия получила статус отдельной республики в составе РФ. Осенью 1992 года в районе произошел кровавый конфликт, в результате которого район покинули десятки тысяч ингушей. Впоследствии тема передачи района Ингушетии многократно озвучивалась в этой республике. В настоящее время, однако, острота проблемы, на наш взгляд, уменьшилась в связи с тем, что, за исключением отдельных сел, возвращение ингушей, покинувших район в 1992 году, не встречает препятствий и не сопровождается конфликтами. Хотя с полноценной адаптацией переселенцев, вернувшихся в Пригородный район, пока имеются проблемы.
- Вопрос о восстановлении одного из «балкарских» районов Кабардино-Балкарии. После возвращения балкарцев из депортации один из районов, в котором они составляли большинство – Хуламо-Безенгиевский – восстановлен не был. Вопрос о восстановлении района в 2000-е годы неоднократно ставился на митингах балкарцев, в заявлениях балкарских общественников. Однако вопрос постепенно «затерялся» в большом комплексе земельных проблем, связанных с балкарским народом (о них речь пойдет ниже, при описании земельных конфликтов).
- Вопрос о восстановлении Ауховского района в Дагестане. Среди всех вопросов, связанных с муниципальными границами, этот вопрос на сегодня, пожалуй, связан с наибольшими рисками. Ауховский район, находившийся возле границы с Чечней и

населенный преимущественно чеченцами, был ликвидирован в Дагестане сразу после депортации чеченцев. После этого на опустевшие земли района из гор Дагестана были насильственно переселены лакцы, на большей части территории бывшего Ауховского района был образован Новолакский район. По возвращении из депортации заселение чеченцев в данный район было жестко ограничено, им были предоставлены альтернативные места для расселения в Дагестане. Во время Перестройки чеченские общественники Дагестана жестко поставили вопрос о восстановлении Ауховского района. В 1991 году на республиканском уровне было принято решение о том, что район будет восстановлен, а лакцам, проживающим на его территории, будет предоставлена возможность переселиться на земли близ каспийского побережья к северу от Махачкалы (строительство домов и инфраструктуры для переселяемых туда лакских сел осуществляется за бюджетные средства). Однако до сих пор восстановления района не произошло. Дагестанские власти неоднократно называли сроки его восстановления, которые позднее сдвигались. Периодически имеют место протестные выступления чеченских активистов с требованием скорейшего восстановления района. На территории, куда переселяются лакцы, в первой половине 2010-х также возникали конфликтные ситуации, связанные с границей земель, передаваемых там лакским селам. Также нерешенным остается вопрос о будущем двух сел, которые входили в Ауховский район, но не были включены в Новолакский – сел Ленинаул и Калининаул (общая численность населения двух сел – около 15 тысяч человек). Сейчас в них проживают чеченцы и аварцы; разногласия между общинами в этих селах связаны с тем, должны ли они быть включены в восстанавливаемый Ауховский район. Отметим, что аварцы проживают и в четырех селах, входящих сейчас в состав Новолакского района, и учет интересов аварской общины в Ауховском районе является актуальным вопросом вне зависимости от того, в каких границах он будет восстановлен. Наше исследование показало, что затягивание вопроса о восстановлении Ауховского района связано не с формально-бюрократическими причинами, а с тем, что органы государственной власти не демонстрируют готовности решать те проблемы, без решения которых район восстановлен быть не может. Это, с одной стороны, неограниченное разрастание списка переселенцев на новую «лакскую» территорию, которым должны быть там построены дома за государственный счет. С другой стороны, это собственно вопросы муниципальных границ – как границ Ауховского района (где в силу двух «спорных» сел вопрос особенно остр), так и муниципальных границ на новом месте жительства лакцев. Очевидно, что для решения первой проблемы необходимо более жесткое административное регулирование процесса

выделения средств на переселение лакцев (возможно, установление даты, после которой списки переселенцев не могут пополняться), а во втором случае – начало полноценных диалоговых процедур с перспективной решения спорных проблем муниципальных границ. Именно отсутствие какой-либо взятной государственной политики создает ситуацию неопределенности, которая не удовлетворяет ни одну из заинтересованных сторон.

Рассмотренный пример с конфликтом вокруг восстановления Ауховского района ясно показывает, что риски для межэтнических отношений при решении вопросов об административно-территориальных границах возникают не потому, что разные этносы, затрагиваемые таким конфликтом, изначально негативно настроены по отношению друг к другу, и не из-за каких-то их «старых» взаимных претензий. Конфликт сохраняется и создает угрозы обострения потому, что государство не создает никакой «дорожной карты» для его разрешения, не подкрепляет декларации о скором восстановлении района шагами по реальному разрешению спорных вопросов, мешающих его восстановлению.

Обратимся теперь к земельным вопросам как катализатору межэтнических противоречий. Влияние этих вопросов на отношения между народами Северного Кавказа состоит прежде всего в том, что имеющиеся земельные проблемы регулярно озвучиваются общественниками этнического толка. Митинги под этническими «знаменами», посвященные земельным вопросам, являются привычной частью местного политического ландшафта в ряде республик СКФО. Это имеет место как в тех случаях, когда на некоторую землю претендуют представители разных национальностей, так и тех случаях, когда подобного межэтнического подтекста в земельном споре нет. Между тем, по нашим наблюдениям, абсолютное большинство земельных конфликтов на Северном Кавказе связано не с какими-то старыми противоречиями вокруг прав на земли, а с крайне несовершенными формами текущего правового регулирования земельных отношений. Именно непрозрачность этих отношений, затрудненность защиты земельных интересов в рамках юридических процедур вызывает к жизни протесты под этническими лозунгами, связанные с земельными проблемами.

При этом непрозрачность системы земельных отношений на Северном Кавказе возникла благодаря вполне конкретным управленческим решениям. Как мы отмечали в нашем предыдущем докладе¹³, во всех северокавказских республиках, за исключением Карачаево-Черкесии, действует мораторий на рыночный оборот земель сельскохозяйственного назначения. При действии этого моратория жители сельских поселений, в том числе и те, кто в 1990-е годы получил земельные паи, не являются собственниками сельскохозяйственных

¹³ Казенин К., Стародубровская И. Северный Кавказ: quo vadis? // <http://polit.ru/article/2014/01/14/caucasus/#ultr006>.

земельных участков, имеющими право их продавать, обменивать и т.д. Большинство сельхозземель находится в аренде у предприятий различных форм собственности. В этих условиях основная возможность получить доступ к земле для крестьянских хозяйств – это взять ее в субаренду у указанных хозяйствующих субъектов. Однако такая возможность предоставляется не всегда. Реалии земельных отношений, сформированных при отсутствии рыночного оборота земель, таковы, что нередко значительные площади пашни или пастбищ, которыми из поколения в поколения пользовались жители некоторого села, оказываются для них недоступными, будучи в руках у бизнес-структур, никак не связанной с селом. Если в Карачаево-Черкесии, где крестьяне получили в собственность земельные паи и могут ими распоряжаться по своему усмотрению, крупные агрохолдинги получают землю в основном путем купли или (чаще) аренды паев у населения, то в других республиках жители сел юридически полностью отстранены от распоряжения сельхозземлями. Отметим, что такая ситуация особенно болезненна для республик Северо-Восточного Кавказа, где, вследствие большого прироста молодых семей, имеется значительный спрос на земли под застройку, порождающий требования перевести сельхозземли в статус земель поселений для последующего получения на них участков под частные дома. Нахождение земель, которые потенциально можно использовать под застройку, в руках неизвестных бизнес-структур в этих условиях вызывает особенно негативную реакцию. Оформление земельных требований в виде идеологических лозунгов («Вернуть землю предков!» и т.д.) оказывается своего рода «последним прибежищем» в условиях, когда региональное законодательство не позволяет защищать земельные интересы более формальными путями – оформляя собственность на земельные паи и распоряжаясь далее их судьбой. Востребованность этнических общественных организаций в земельных спорах обусловлена именно этим, во многом вынужденным, переводом земельных требований с правового языка на идеологический.

При этом наиболее активное применение этнической риторики наблюдается в тех земельных конфликтах, где «непрозрачность» земельных отношений для населения, помимо моратория на оборот земель, дополнительно усугубляется другими нормативными актами. Это, во-первых, конфликты между общинами сел, введенных в состав крупных городских округов, и администрацией этих городских округов. Республиканскими законами о составе и границах муниципальных образований в состав региональных столиц (в частности, Махачкалы, Нальчика) был введен ряд сел, после чего право распоряжаться землями, которыми пользовались эти села, перешла к городской мэрии. То есть центр принятия решений был значительно «удален» от жителей. В результате конфликты возникли вокруг нескольких сел, населенных кумыками, которые были включены в состав Махачкалы, и двух балкарских сел, включенных в состав Нальчика. В одном из балкарских сел с населением

более 4 тысяч человек жители, на протяжении нескольких лет не добившиеся от мэрии выделения участков под застройку для молодых семей, самовольно начали делить на участки земли сельскохозяйственного назначения. Эта акция, юридически весьма спорная, подавалась ее организаторами в качестве акта «восстановления справедливости» по отношению к балкарскому народу как пострадавшему от депортации (до депортации эти земли входили в район, населенный преимущественно балкарцами, который не был впоследствии восстановлен).

Еще один значимый пример того, как местные нормативные акты дополнительно повышают напряжение в земельной сфере, влияя при этом и на межэтнические отношения – это судьба земель отгонного животноводства в Дагестане. Около миллиона гектар земель на равнине, еще в советское время предоставленных горным колхозам и совхозам в качестве зимних пастбищ, в настоящее время регулируются специальным республиканским законом «О статусе земель отгонного животноводства». Закон закрепляет эти земли в собственности правительства Дагестана, которое предоставляет их в аренду горным хозяйствам. Ряд сел выходцев с гор, стихийно возникших на этих землях (по имеющимся оценкам, этих сел около 200), сейчас имеют статус муниципальных образований, относящихся к горным районам, часть вовсе не имеет официального статуса. Складывающаяся на отгонных землях ситуация вызывает протест и у коренных жителей равнины, многие из которых возражают против передачи значительных земельных ресурсов горным хозяйствам, и у жителей сел на отгонных землях, которые формально являются жителями горного района, находящегося за несколько сотен километров, и испытывают из-за этого большие бытовые неудобства. Вопрос о статусе отгонных земель регулярно поднимается общественниками, выступающими от имени народов равнины (кумыков, ногайцев). Известия о намерении республиканских властей как-то изменить статус сел на отгонных землях не раз вызывали сходы жителей равнинных сел. В ряде случаев (но не часто) имеют место силовые стычки между «отгонниками» и жителями равнинных районов. За редкими исключениями, эффективный диалог между коренными жителями равнины и жителями сел, находящихся на отгонных землях, о возможном статусе этих земель и сел не наложен. Руководство региона сообщает о подготовке земельной реформы, но дискуссии по возможным вариантам решения проблемы отгонных земель, без которого земельная реформа в регионе немыслима, практически нет.

Рассмотренные примеры, на наш взгляд, убедительно показывают, что ситуации, в которых имеется потенциал межэтнической напряженности, имеют на Северном Кавказе четко определимые причины. Они связаны не с какой-то «первозданной» сложностью межнациональных отношений, якобы характеризующей Северный Кавказ, а с управлениемческими решениями и нормативными актами, касающимися в основном местного

самоуправления и земельной сферы. Те риски в современной жизни Северного Кавказа, которые принято связывать с его «архаичностью», на самом деле есть следствие отсталой нормативной базы и плохих управленческих моделей. Для того, чтобы устраниТЬ или по крайней мере существенно ослабить угрозу насилия в межнациональной сфере, важно начать процесс реального решения (в том числе путем диалога заинтересованных сторон) нерешенных административно-территориальных проблем, а также сделать более прозрачным регулирование земельных отношений (до чего в ряде случаев необходимо также решить вопросы муниципальных границ). Снятие имеющихся «раздражителей», на наш взгляд, существенно снизит общий уровень рисков конфликтов в межнациональной сфере на Северном Кавказе.

Таким образом, все выявленные нами истоки угроз этнически ориентированного насилия могут быть устранены только путем серьезного реформирования политики органов власти на Северном Кавказе, только путем создания реально работающих диалоговых площадок по спорным вопросам, повышения прозрачности экономического регулирования. Межнациональные отношения не являются тормозом для модернизации Северного Кавказа, а для того, чтобы снизить связанные с ними риски, необходим модернизационный прорыв в решении земельных проблем и проблем муниципальных границ.

3.2. Религиозно мотивированное насилие

Наличие религиозно мотивированного насилия, действительно, является отличительной чертой Северного Кавказа. Однако, чтобы правильно понимать его место, необходимо разобраться с его истоками. Широко распространено представление о том, что насилие пришло на Северный Кавказ вместе с исламским фундаментализмом, и именно религиозное размежевание лежит в основе характерных для региона насильтственных практик. На самом деле это не совсем так. Размежевание в исламской среде, активизировавшееся с конца 1980-х годов, при распаде СССР первоначально касалось сугубо доктринальных вопросов и выступало в достаточно мирных формах. Мусульмане участвовали в политической деятельности, были созданы исламские партии. Переход к восприятию насилия как легитимного с точки зрения части северокавказских мусульман метода борьбы был связан в первую очередь с боевыми действиями в Чечне. *«Появилась какая-то, не знаю, честно говоря ненависть за то, что творилось в Чечне. В Чечне-то вообще беспредел творили. ... Об установлении халифата разговор пошел именно в то время. ... Потому что, если не объединиться, говорили, вот так будут уничтожать по одиночке».* Именно чеченские войны:

- позволили определенной части молодежи на Северном Кавказе пройти военные лагеря моджахедов, а кое-кому и получить боевой опыт;
- способствовали резкому включению Северного Кавказа в глобальные джихадистские сети;
- сформировали у определенной части молодежи представление о российском государстве как о враждебной силе.

Последовавший после чеченских войн длительный период выходящего за правовые рамки силового давления на нетрадиционных мусульман¹⁴ способствовал их дальнейшей радикализации. А в условиях уже сформировавшейся инфраструктуры «леса» участие в незаконных вооруженных формированиях объективно становится одним из имеющихся в наличии вариантов жизненной стратегии, который молодые люди могут выбирать по различным причинам: на основе религиозных взглядов, как результат семейных конфликтов, как реакция на жизненные неудачи, как способ уйти от преследования, исходя из желания отомстить за родственников и друзей, подвергнувшихся силовому давлению, за деньги, романтизируя подполье, под влиянием сильного агитатора и по ряду других причин. Среди этих причин джихадистская идеология в чистом виде играет определенную роль, но является далеко не единственным фактором, определяющим участие в вооруженном подполье.

Если попытаться выделить основные моменты, способствующие религиозной радикализации и переходу к насильственным практикам, становится ясно, что здесь могут сыграть свою роль достаточно разнородные факторы.

Безусловно важно, с каким богословом, религиозным лидером, агитатором встретился молодой человек на своем пути, под чье влияние попал. Причем далеко не всегда речь идет об имаме той мечети, куда ходит молодой человек. *«Есть такие имамы, которые об исламе немного знают. И такой брат, который приехал, я не знаю, с Йемена пускай будет, и с тобой сидит – разговаривает и рассказывает про религию..., начинает тебе... объяснять, рассказывать..., что вот мусульман везде ущемляют, мусульман всегда ущемляли»; «Вот просто психологически им внушают, их груят,... то что за религию надо умирать, то, что если ты так не сделаешь, ... религия не будет процветать. Все на тебе, короче, все замкнется».* Авторитет лидера, психологическая обработка, влияние окружения – все это, безусловно, воздействует на молодых людей. Однако сводить всю совокупность причин к этому часто упоминаемому фактору было бы совершенно неправильно. В том числе и потому, что далеко не все молодые люди так некритически воспринимают позицию окружающих.

¹⁴ Речь идет о пытках, издевательствах, бессудных казнях, давлении на родственников и т.п., многочисленные факты которых установлены российскими и международными правозащитными организациями.

Достаточно много тех, кто сознательно подходит к формированию своего мировоззрения: слушают проповеди в разных мечетях, общаются с разными алимами (учеными), ищут информацию в интернете.

Немалую роль в этом выборе играют условия социализации молодого человека. То, в какой обстановке он рос и воспитывался, какие ценности воспринял, не может не влиять на его идеологические приоритеты. Криминальная и конфликтная социализация, судя по всему, повышает склонность к насильственным действиям.

В «бандитские 90-е» практически во всех мусульманских регионах в какой-то момент молодежь в достаточно массовом порядке пошла из криминала в ислам. Причины этого явления до конца не ясны, но очевидно, что в этом период объединенная исламом молодежь была достаточно сильной «силовой корпорацией», способной защитить жизнь и собственность членов своей группы. По воспоминаниям, до сотни человек из общины могли выезжать на «разборки» для решения бизнес-вопросов. Переход в ислам по-разному повлиял на криминализированную молодежь. У некоторых это всерьез изменило их жизнь, у некоторых осталось внешней формой. *«На чем воспитывалась молодежь – на улице, блатные, блатные эти понятия, на всем этом... Он принял ислам, молится там – это все внешняя оболочка»*. Очевидно, в подобной среде насильственные практики воспринимались как более естественные и не встречали серьезного сопротивления.

Длительный конфликт, связанный с использованием внеправовых силовых методов как со стороны вооруженного подполья, так и со стороны сотрудников силовых структур, безусловно, влиял на социализацию затронутой им молодежи, обесценивая человеческую жизнь, делая привычным использование оружия, а также способствуя накоплению у этих молодых людей негатива к противоположной стороне противостояния, причинявшей страдания их родным и близким. *«Рано утром заходят сапогами в дом и будят тебя в постели. Автоматом дуло в лицо. Это все видят дети, подрастающее поколение... Маленькие дети... они видят это, они растут на этом»*. Еще одно чрезвычайно негативное последствие конфликтной социализации – это подростковая героизация и романтизация насильственного сопротивления. Такой феномен существует в Дагестане и КБР, но абсолютно не выявлен, например, в КЧР, где конфликт не приобрел устойчивые и длительные формы. *«Человек хочет показать себя самостоятельным, и тем более если речь идет о чем-то таком большом, таком героическом, то он обязательно может попытаться себя реализовать через это»*.

Немаловажную роль играют и те возможности, которые видят для себя мусульмане в обществе, в котором живут, и те угрозы, которые они ощущают. Силовое давление, преследование за свои взгляды, создание искусственных барьеров для передвижения и

устройства на работу для «молящихся», отсутствие карьерных перспектив, закрытие мечетей – все это, естественно, воспринимается как нарушение прав мусульман и вызывает протестную активность.

Собственно, протест может выступать в двух формах – мирной (политическая, правозащитная, гражданская деятельность) и насильственной. Если практика показывает, что мирный протест не дает результатов, а его участники подвергаются репрессиям, то есть опасность, что в их глазах это усилит привлекательность идеи перехода к насильственным действиям. *«Они видят там, люди на митинги выходят, возьмут и разгонят его. Побьют дубинками. ... Зачем мне это унижение, чтобы меня кто-то там дубинками разгонял, чтобы надо мной смеялись?»*.

Если нет возможности опираться на закон, на гарантированные Конституцией права, у этих людей остается надежда на последний инструмент – страх. Такая ситуация чрезвычайно опасна, поскольку вызывающая страх угроза насилия начинает восприниматься как допустимый способ защиты своих интересов, а носители этого насилия - как «робин гуды» нашего времени. Тем более, что подобный подход хотя бы в отдельных случаях демонстрирует свою «результативность». *«Насчет того, что лес не работает, это очень спорное. Потому что вопрос с хиджабами у нас [в Дагестане] быстро снятый»¹⁵.*

Причем чем больше силовое давление на соблюдающих мусульман и чем менее это давление ограничено рамками закона, тем больше склонность к использованию насильственных методов со стороны исламской молодежи. *«Безусловно, страх пройти через эту систему сильнее, чем страх просто быть убитыми. ... Страх перед унижениями или чем-то еще - он страшнее, сильнее, чем страх быть просто-напросто убитыми, расстрелянными»; «многих ребят... просто насиливали».*

Таким образом, вместо идеологического фанатизма мы видим здесь достаточно рациональную оценку выгод и издержек и выбор способа действий в соответствии с этой оценкой в условиях, когда по тем или иным причинам (тип социализации, идеология, желание отомстить) цена человеческой жизни оказывается невысока. Это ни в какой мере не оправдывает тех, кто встает на насильственный путь, но помогает понять их мотивацию и определить те механизмы, которыми можно этому процессу эффективно противостоять.

Если рассмотреть все факторы, способствующие восприятию насильственных практик в исламской среде, очевидно, что, наряду с наличием инфраструктуры «леса», принципиально важную роль играет процесс, получивший в науке название «замкнутый круг или спираль насилия». Краткая дефиниция этого фактора гласит: «насилие порождает насилие». Суть

¹⁵ В Дагестане были убиты несколько директоров школ, жестко противодействовавших ношению ученицами хиджабов.

процесса прекрасно охарактеризовал Георгий Дерлугъян: «Люди не становятся убийцами в одночасье. Для этого требуется эмоциональная брутализация, мотивируемая страхом за себя, местью за своих и дегуманизацией образа противника, к которому перестают применяться человеческие нормы»¹⁶.

Опасность замкнутого круга насилия состоит в том, что он создает стимулы для продолжения насильственного противостояния даже в том случае, если исходные причины преодолены, и захватывает в свою орбиту все большее число людей. Ведь прекратить конфликт – это как бы «предать» тех, кто погиб за «правое дело», «обесценить жертвы героев и мучеников», принявших смерть за свои идеалы. Продолжению конфликта способствует и формирующаяся в его рамках культура насилия. Насильственные действия все более легитимизируются и становятся все менее избирательными.

В то же время очевидно, что государственная политика – далеко не последний фактор, который играет роль при выборе между мирной жизнью и насильственным сопротивлением в среде исламских фундаменталистов. В предшествующем экспертом докладе¹⁷ мы продемонстрировали, что до осени 2010 года в антитеррористической политике господствовала силовая стратегия, характеризующаяся максимально широкой трактовкой понятия «террористы и их пособники» и доминированием жестких силовых методов подавления любой оппозиционной деятельности. Доминирование подобного курса приводило к росту числа жертв противостояния.

С осени 2010 года политика претерпела определенные изменения. Хотя силовые методы продолжали играть значимую роль, они были дополнены механизмами, направленными на достижение гражданского мира. В нескольких республиках были созданы комиссии по адаптации бывших боевиков (реально заработали они в Дагестане и в Ингушетии), начались переговоры между различными внутриисламскими религиозными течениями. Со стороны ряда руководителей публично прозвучала мысль о том, что люди, не нарушающие законы Российской Федерации, в рамках гарантированной Конституцией РФ свободы вероисповедания не могут подвергаться преследованиям за то, что «не так» веруют, молятся, одеваются. Там, где эти меры реально заработали, подобная политика однозначно дала позитивный результат. Стало снижаться число жертв религиозно мотивированного насилия, нормализовалась обстановка в религиозно расколотых селах (так, процесс примирения успешно прошел в Цумадинском районе Дагестана – одной из самых неспокойных дагестанских горных территорий).

¹⁶Дерлугъян Г. Адепт Бурдье на Кавказе: Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010, с. 39-40.

¹⁷ Казенин К., Стародубровская И. Северный Кавказ: quo vadis? // <http://polit.ru/article/2014/01/14/caucasus/#ultr006>.

Однако с начала 2013 года подобный курс был практически повсеместно свернут. Процесс поддерживаемого властями гражданского диалога был прекращен. Снова начались масштабные спецоперации, зачистки, от которых страдали не только боевики, но и жители целых селений¹⁸. Все большое распространение приобретала не имеющая ничего общего с российским законодательством практика коллективной ответственности за насильственные действия боевиков, распространяющаяся на их семьи, родственников, односельчан. Широкие масштабы принял процесс давления на умеренных нетрадиционных мусульман, в частности, постановка их на так называемый профилактический учет, который осложняет передвижение по территории Российской Федерации, устройство на работу, позволяет осуществлять постоянный навязчивый контроль за их жизнью. Практически прекратилась деятельность умеренных проповедников из среды нетрадиционного ислама, большинство из них были арестованы либо вынуждены эмигрировать за границу.

Однако в данном случае усиление силового давления не привело к активизации деятельности подполья и росту числа жертв религиозно мотивированного насилия. Более того, организация, являвшаяся основным координатором насилия на Северном Кавказе, «Имарат Кавказ» (запрещена на территории России), судя по всему, практически перестала существовать. Можно выделить две основные причины, приведшие к подобному результату.

- Антитеррористические меры в данном случае распространялись не только на «рядовых». В результате «чистки рядов» северокавказской (в первую очередь дагестанской) элиты удалось нарушить связь между незаконными вооруженными формированиями и теми представителями власти, кто поддерживал и использовал их в своих целях. Тем самым была резко ограничена и финансовая подпитка боевиков.
- Активизация вооруженного противостояния в Сирии привела к оттоку наиболее радикальной части северокавказской молодежи в этот регион, тем более что в течение определенного времени особых барьеров на их пути поставлено не было.

Уменьшение масштабов религиозно мотивированного насилия, снижение числа жертв среди гражданского населения, безусловно, являются позитивными процессами. Однако, к сожалению, в сложившихся условиях их устойчивость вызывает серьезные сомнения.

¹⁸ Наиболее известна история поселка Временный в Унцукульском районе, где два месяца проходила спецоперация. Все жители были выселены без предоставления альтернативного жилья. О том, что представлял собой поселок после окончания спецоперации, писали многие журналисты. Приведем лишь один отрывок. «На следующий день, проникнув в поселок с «черного хода», мы обнаруживаем, что большинство домов частного сектора взорваны вместе со всем домашним скарбом, и руины выровнены бульдозером. Жители утверждают, что недосчитались 42-х строений». http://kavpolit.com/articles/zdes_byl_dom ili kto v gimrah chast vtoraja-12107/

Подспудная радикализация северокавказской молодежи, по многочисленным свидетельствам, продолжается. Этому способствует ряд факторов.

Во-первых, преследование религиозных деятелей, практика профилактического учета – все это, безусловно, способствует радикализации.

Во-вторых, влияние запрещенной на территории России организации «Исламское государство». С одной стороны, этот фактор ведет к усилению оттока радикальных мусульман из России. Однако, с другой стороны, подавляющее большинство боевиков на территории Северного Кавказа присягнули Исламскому государству. Пока не совсем ясно, какие это будет иметь последствия, в частности, будет ли осуществляться финансирование местных группировок. Однако уже очевидно, что запрет, который установили последние лидеры «Имараты Кавказ» на жертвы среди мирного населения, действовать перестал. Недавний теракт, от которого пострадали туристы в Дербенте, – тому явное свидетельство.

В-третьих, вмешательство России в сирийский конфликт привело к тому, что ряд известных радикальных проповедников провозгласили джихад против России; появились призывы к мусульманам не уезжать в Сирию, а вести борьбу здесь, в России. Опять же, пока сложно делать выводы, насколько серьезен этот фактор (по имеющимся свидетельствам, радикальная молодежь по-прежнему стремится выехать в Сирию). Тем не менее, он явно не способствует улучшению обстановки.

Таким образом, можно сделать вывод, что проблема исламского фундаментализма и проблема религиозно мотивированного насилия – это две разные, хотя и пересекающиеся проблемы. В среде исламских фундаменталистов можно выделить:

- людей аполитичных и стремящихся в первую очередь «жить по исламу» в стенах собственного дома;
- тех, кто участвует в политической, правозащитной, гражданской деятельности, но делает это в мирных, предусмотренных Конституцией РФ формах;
- сторонников насильтенных методов, стремящихся вооруженным путем бороться с «властью неверных» (джихадисты).

Очевидно, границы между этими группами достаточно подвижны и во многом зависят:

- от наличия инфраструктуры насильтенного сопротивления как «фактора жизни»;
- от наличия и масштабов «замкнутого круга насилия»;
- от проводимой государством политики в отношении нетрадиционных мусульман.

На настоящий момент политика государства в большинстве регионов в данной сфере контрпродуктивна, и, хотя из-за «эффекта Сирии» это пока не отражается непосредственно на масштабах насильтенных действий, идущая подспудно радикализация исламской молодежи создает серьезные риски в данной сфере.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Итак, чтобы ответить на вопрос, каким образом сочетаются способы организации жизни на Северном Кавказе с современной демократической моделью развития, необходимо принимать во внимание два основных фактора.

Во-первых, то, что Северный Кавказ переживает сейчас один из наиболее масштабных переломных моментов в истории любого общества, связанный с размыванием традиционных отношений, активной урбанизацией и встраиванием в глобальный мир. Именно с этим во многом связана высокая конфликтность в данном регионе, привлекательность для молодежи радикальных идеологий, антагонизм между разными общественными группами. Специфика данного периода объективна и не позволяет полностью преодолеть связанные с ней негативные последствия. В то же время необходимо подчеркнуть, что явно просматривающаяся (при всей противоречивости данного процесса) перспектива завершения демографического перехода, рост городской культуры и повышение престижа образования создают предпосылки для снижения напряженности в обществе и начала диалога между разными общественными силами.

Во-вторых, государственная политика – это важнейший фактор, определяющий ситуацию на Северном Кавказе. На настоящий момент ее основные векторы связаны с:

- поддержкой традиционных (или мимикрирующих под традиционные) организаций и институтов: традиционного ислама, традиционных клановых элит, ограничений на действие общероссийских правовых норм в связи со «спецификой» региона;
- жестким силовым подавлением идеологии исламского фундаментализма и любой протестной активности, основанной на данной идеологии.

При этом утверждения о «специфике» северокавказского социума во многом являются предметом спекуляций и часто служат прикрытием интересов северокавказских элит. Так, обосновываемый данной спецификой мораторий на оборот земель сельхозназначения сделал эту землю предметом широкомасштабных злоупотреблений со стороны тех, кто обладает административным ресурсом, что привело к массовому недовольству населения и значительному усилению конфликтного фона.

Характерные для федеральной власти представления об отсутствии на Северном Кавказе внутренних движущих сил экономической и социальной модернизации, связанная с этим опора на традиционные кланы и попытки модернизации исключительно «извне» приводят к очевидным негативным последствиям, поскольку укрепляют в регионе именно архаичные, антимодернизионные структуры и во многих случаях делают федеральную власть заложницей их интересов.

В то же время на Северном Кавказе, очевидно, есть внутренние силы, недовольные сложившейся системой организации власти и общества (а не только своим местом в этой системе), заинтересованные в социальной модернизации. К ним можно отнести не связанные с кланами круги мелкого и в большей степени среднего бизнеса, часть лидеров местного самоуправления на уровне поселений (собственно, распределение ренты заканчивается в основном уровне глав районов), лиц свободных профессий (адвокатов, журналистов, общественников), другие слои городской интеллигенции. Проблема состоит в том, что эти слои, потенциально являющиеся движущей силой модернизации, во многом исламизированы¹⁹, и их представления о путях изменения общества находятся под влиянием исламской (в первую очередь фундаменталистской) идеологии. Поэтому говорить о проблемах модернизации, не затрагивая вопросов нетрадиционного ислама, на Северном Кавказе не представляется возможным.

В подобных условиях основные направления поддержки социальной модернизации на Северном Кавказе со стороны государства, позволяющие сформировать условия для его органичного включения в современные демократические механизмы, могли бы выглядеть следующим образом.

1. Необходимо создать предпосылки для реальной смены элит в регионе. Может создаться иллюзия, что этот процесс уже происходит – так, в Дагестане возбуждены уголовные дела против глав крупных кланов, их роль и влияние в республиканской политике во многом подорваны. Однако система власти не меняется перестановкой отдельных фигур. Данный процесс – это скорее не разрушение клановой модели, а перераспределение силового ресурса в пользу тех кланов, которые оказались ближе к сегодняшней власти и больше в нее интегрированы.

Для запуска реального процесса смены элит необходимо наличие в северокавказском социуме достаточно широкого слоя людей, являющихся носителями управленческих знаний и альтернативной по отношению к клановой системе ценностей. Государство может создать предпосылки для формирования подобного слоя путем реализации образовательных программ (по типу кадрового резерва) для тех групп, которые выше были обозначены как движущие силы модернизации. Подобные программы должны:

¹⁹ Сразу оговоримся, что мы отнюдь не утверждаем обратного – что все исламизированные слои либо все сторонники исламского фундаментализма являются проводниками социальной модернизации. Выше было подробно показано, что это не так.

- объединять представителей разных слоев и групп северокавказского социума – представителей разных республик, разных национальностей, людей светских и религиозных, что будет способствовать снятию взаимных негативных стереотипов и формированию сообщества нового типа, не связанного с традиционными социальными границами и линиями раздела;
- быть ориентированными прежде всего на молодежь, но на ту молодежь, которая уже проявила себя, продемонстрировала определенные лидерские качества и способности добиваться успеха;
- обеспечивать отбор и продвижение по образовательным ступеням прежде всего на основе реальных усилий и успехов, то есть демонстрировать механизм вертикального лифта в соответствии с достижениями, отсутствие которого является серьезным фактором радикализации северокавказской молодежи;
- обеспечивать в первую очередь обучение передовым технологиям управления в государственной и частной сфере, а также погружение северокавказской молодежи в широкий культурный контекст, расширяющий кругозор и знания о мире (на самом деле, отсутствие достоверной информации и узость взгляда на мир – один из важнейших источников радикализма).

Формирование подобного сообщества образованных людей, обладающих глубокими знаниями и современными компетенциями, и при этом реально представляющих себе систему организации жизни в северокавказских регионах, представляется необходимым условием смены элит и ускорения процессов социальной модернизации на Северном Кавказе.

2. Необходимо создать предпосылки для вытеснения антимодернизований, радикальных, джихадистских разновидностей исламистской идеологии, опираясь при этом в том числе и на умеренные версии нетрадиционного ислама, пропагандирующие модернизационные ценности и предполагающие встраивание мусульман в современное общество. Для этого принципиально важно:

- обеспечить безусловное выполнение закрепленных в Конституции РФ прав граждан на свободу слова и свободу вероисповедания, прекратить силовые действия в отношении всех не нарушающих российское законодательство мусульман и исламских сообществ, как способствующие их радикализации и запуску спирали насилия;
- не создавать препятствий для деятельности умеренных исламских проповедников, отрицающих насилие, проповедующих ценность знаний, участие в общественно полезных делах, осуществление протестной активности мусульман исключительно в рамках конституционного поля Российской Федерации;

- активно включать мусульманские сообщества и их лидеров в различные направления общественной деятельности, гражданские инициативы, социальный активизм по тем направлениям, которые не противоречат позиционированию мусульман в современном обществе;
- не ограничивать возможности самореализации активных членов исламских сообществ в сфере бизнеса, гражданской и политической деятельности, осуществляющейся в рамках закона;
- возобновить деятельность комиссий по адаптации бывших боевиков, давая возможность сбившимся с пути вернуться в правовое поле;
- осуществлять жесткое преследование тех (и только тех), кто выходит за рамки конституционного поля и осуществляет вооруженную борьбу против Российского государства либо прямо призывает к подобной борьбе.

3. Необходимо в большей мере перевести реально существующие в регионе конфликты в политическое поле, во взаимодействие различных политических сил, не препятствовать активизации политической жизни, проведению свободных выборов на всех уровнях власти.

Подобная рекомендация далеко не бесспорна и может вызвать сомнения, связанные с тем, что:

- выборы могут усилить коррупцию и насилие в регионе;
- выборы усиливают конфликтность;
- в результате выборов к власти могут прийти радикалы.

Однако есть серьезные контраргументы.

• Любая борьба за власть в условиях непрозрачности механизмов и отсутствия правового государства связана с коррупцией и насилием, выборы могут сделать эти факторы более прозрачными, хотя вряд ли изменят что-то по существу.

• Политическая деятельность, даже если она сопровождается большей внешней конфликтностью, на самом деле есть антитеза насилию при разрешении конфликтов и способ перевода их в легальное поле.

• Политическая деятельность требует борьбы за максимальную поддержку населения. Во многих случаях это заставляет радикалов смягчать свои программы, переключаться с политических лозунгов на помощь людям в решении их повседневных проблем. Опыт многих стран и регионов (Турция, Северная Ирландия) демонстрирует позитивное влияние участия в политике на радикальные общественные движения.

- Необходимость выстраивать политические альянсы и искать политические компромиссы также заставляет смягчать позицию и приучает различные общественные силы к политическому диалогу.
- Предшествующий опыт насильтственных действий при проведении выборов (например, в КЧР) выработал определенную «прививку» - люди помнят, насколько негативен был этот опыт, и вряд ли захотят его повторять.

В то же время именно в результате выборов ориентированные на модернизацию социальные силы могут оказывать более серьезное воздействие на развитие северокавказских республик. Уже сейчас есть примеры, когда даже в глубоко религиозном селе группа активистов, выступавшая против злоупотреблений и за повышение качества управленческой деятельности, смогла мобилизовать население в свою поддержку. В результате участие в местных выборах резко активизировалось, впервые при назначении главы села критерий образования играл ключевую роль. В других случаях своего кандидата выдвигала молодежь, в результате также главой становился человек более образованный, владеющий новыми технологиями, вписанный в современный мир. Вряд ли при отсутствии выборов подобные модернизационные сдвиги могли бы осуществиться (кстати, ограничение роли выборов на местном уровне привело в ряде случаев к обратному эффекту – центральную роль снова стали играть представители традиционной бюрократии).

С целью более активного вовлечения умеренных исламских кругов в политическую деятельность представляется необходимым начать обсуждение вопроса о снятии запрета на деятельность религиозных политических партий. Данное предложение далеко не бесспорно и требует серьезной дискуссии. Тем не менее, в его пользу есть серьезные аргументы. Так, в тех республиках, где члены подобных партий, существовавших до введения запрета, до сих пор занимают высокие посты, гораздо проще происходит разрешение религиозных конфликтов (эти лица могут выступать медиаторами, авторитетными для всех сторон противостояния). При этом опасения, что в результате снятия запрета к власти могут прийти крайне радикалы, беспочвенны – радикалы отрицают всякую возможность политической деятельности в «государстве неверных». Подобный шаг как раз способен усилить умеренное крыло нетрадиционных мусульман, нацеленных на максимальную интеграцию в светское общество и деятельность в рамках российского законодательства.

4. Необходимо предпринимать меры по повышению роли российского законодательства в рамках северокавказского регулятивного поля²⁰.

Однако подобного повышения невозможно добиться чисто механическими методами: увеличением количества дел, рассматриваемых в российских судах, или силовым давлением на альтернативные юрисдикции. Этот процесс должен происходить с учетом того, что:

1) Если пытаться административно запрещать альтернативные юрисдикции, то это никак не будет способствовать становлению правового государства. Скорее, это сделает жителей региона в еще большей степени заложниками «коалиционного клинча», в рамках которого фактически приоритет имеет право сильного.

2) Идеальным решением было бы установление верховенства закона, прекращение коррупции в рамках российских судов на Северном Кавказе. Это сразу сделало бы юрисдикцию, связанную с российским законодательством, гораздо более действенной и вызывающей симпатии у населения. Однако постановка столь амбициозных задач на среднесрочную перспективу, скорее всего, нереалистична не только на Северном Кавказе, но и в России в целом.

Тем самым усиливать роль российского законодательства необходимо избирательно, в первую очередь в тех сферах, где отсутствует какое бы то ни было адекватное правовое регулирование, и это оказывает существенное негативное воздействие на перспективы развития региона в целом. Такой сферой на Северном Кавказе являются земельные отношения. В большинстве северокавказских республик установлен мораторий на оборот земли сельскохозяйственного назначения. В результате землей бесконтрольно распоряжаются руководители различных уровней в ущерб местному населению, оборот земли осуществляется вне правового поля, распространены злоупотребления при выдаче правоустанавливающих документов. Особенно тяжелая ситуация сложилась в Дагестане, где значительная часть равнинных территорий имеет статус «земель отгонного животноводства», куда фактически бесконтрольно происходит переселение горцев. По имеющимся оценкам, на этих землях возникло более 200 населенных пунктов, не имеющих правового статуса.

Очевидно, что введение данной ситуации в российское правовое поле не может быть быстрым процессом. Значительная часть земель уже распределена в рамках коррупционных, неправовых механизмов. Требует решения проблема пересекающихся прав собственности на землю. Таким-то образом должна быть легализована возникшая на землях отгонного животноводства система расселения. Однако вмешательство во все эти вопросы может

²⁰ Как уже указывалось ранее, для этого региона характерна конкуренция юрисдикций и значительная роль адата и шариата как альтернативных регулятивных механизмов.

активизировать и даже перевести в насилиственную стадию те латентно существующие и регулярно прорывающиеся на поверхность конфликты, которые связаны с борьбой за достаточно дефицитный (особенно на равнинах) земельный ресурс.

Поэтому механизм нормализации ситуации и введения ее в правое русло должен в обязательном порядке включать в себя процедуру разрешения конфликтов и решения проблемы пересекающихся прав, желательно – на основе поиска варианта с «ненулевой суммой», когда обе стороны что-то выигрывают (например, одна легализует свой статус, другая – получает часть земли от первой). Именно такие компромиссные решения должны получать правовое оформление так, чтобы в дальнейшем права землевладения и землепользования могли регулироваться по российским законам.

Что касается шариатского правосудия, то по отношению к нему можно встретить полярные позиции: от полного запрета до предложений по легализации. Вообще, необходимо отметить, что наличие альтернативных юрисдикций по определенным вопросам (например, в семейном праве) совершенно не противоречит современным подходам к государственному управлению. Более того, специалисты считают асимметричный федерализм, учитывающий культурную специфику отдельных регионов, механизмом, способным предотвращать конфликты и укреплять единство государства. Тем самым, исходя из концептуальных соображений, принципиальных возражений против ограниченной легализации шариата не просматривается.

В то же время с учетом конкретной ситуации, сложившейся на Северном Кавказе, эта мера представляется неоднозначной. С одной стороны, в условиях внутриисламского конфликта ограниченная легализация шариатского правосудия может привести к обострению ситуации, особенно если одна из сторон, опираясь на поддержку государства, попытается монополизировать эту сферу. С другой стороны, в мировой практике есть прецеденты, когда в условиях ограниченной легализации шариата радикальные силы начинали борьбу за его полное внедрение, включая уголовные наказания, и это приводило к вооруженным конфликтам и гражданским войнам. Поэтому в сложившихся условиях представляется более предпочтительным промежуточный вариант, сохраняющий возможность обращения, по обоюдному желанию сторон конфликта, к шариатскому правосудию как неформальному механизму разрешения конфликтов в рамках досудебной медиации, но не как к официально признаваемой государством юрисдикции. При этом государство должно безусловно пресекать попытки принуждения к выполнению решений шариатских судов неправовыми, насилиственными методами.

ПРИЛОЖЕНИЕ А. Республики Северного Кавказа: особенности постсоветского развития

Дагестан

Дагестан – регион, отличающийся даже на фоне «остального» Северного Кавказа большим уровнем конфликтности, а также заметным внутренним разнообразием. Внутреннее разнообразие связано с большой численностью населения (почти 3 млн человек), необычайной многочисленностью этносов, различиями исторического пути разных частей населения республики в советское время. Однако высокий уровень конфликтности связан не только с этим «естественным» разнообразием, сколько с конкретными обстоятельствами развития региона в последние десятилетия.

Падение советской власти застало Дагестан в один из самых критических моментов его истории: к 1980-м годам переселение горцев на равнину, отчасти поддерживавшееся, отчасти сдерживавшееся советской властью, достигло масштабов, которые существенно изменили состав населения равнинной части республики, прежде всего крупнейших городов. Сразу после коллапса СССР - это переселение приобрело уже обвальный характер. Вместе с отъездом из региона интеллигенции русского и дагестанского происхождения, потерявшей перспективы занятости с развалом крупных региональных предприятий, миграция горцев на равнину вела к радикальному изменению всего уклада жизни республики. Эти изменения касались не только экономики, но и всей социальной организации. В условиях таких перемен для Дагестана, в отличие от некоторых других регионов Северного Кавказа, был исключен «инерционный» сценарий, при котором позднесоветская бюрократия сохраняет практически безраздельную власть, адаптируя управленческие практики к постсоветским реалиям и обеспечивая себе безраздельный контроль над основными региональными активами.

В региональной элите в 1990-е годы сложился весьма неординарный «симбиоз» из советских управленцев и лидеров неформальных движений. Только кооптировав последних во власть, первые сумели добиться приемлемой степени управляемости региона. Однако получившаяся система имела несколько особенностей, которые не только затруднили создание в Дагестане механизмов конкурентной смены власти даже в тот период, когда в других российских регионах они действовали (вторая половина 1990-х – начало 2000-х годов), но и в целом сделали региональную элиту поистине герметичной, успешно сопротивляющейся любому обновлению. Эти особенности таковы.

Первое. Этническое квотирование при распределении ключевых государственных должностей. Этот принцип отчасти действовал и в советское время, но его значимость в 1990-е заметно усилилась потому, что привлеченные во власть «неформалы» были в основном

представителями этнических общественных движений: «раздел» должностей между ними рассматривался как распределение властного «пирога» между народами республики. К настоящему времени сам по себе принцип этнического квотирования утратил былую важность: он отчасти соблюдается, но носит часто ритуальный характер, поскольку фактически многие противоборствующие между собой неформальные группы в республиканской бюрократии – многонациональны. Однако именно этот принцип, в пору своего господства в 1990-е, блокировал конкурентный, «меритократический» путь формирования элиты и утвердил иной путь, при которых должности во власти – это «кормления», которые следует распределять между различными группами претендентов, основываясь не на их способностях и опыте, а на каких-то других атрибутах.

Второе. Наличие силового ресурса у многих представителей элиты. Большинство «неформалов», оказавшихся во власти в 1990-е годы, имели собственные неофициальные вооруженные формирования, которые активно использовались не только для защиты своего лидера, но и для общего поддержания порядка в республике. В отличие от Чечни 2000-х, в Дагестане силовой ресурс не был монополизирован, он и по сей день «распределен» между различными группами в местной элите (через контроль над ЧОПами, влияние в местных правоохранительных органах и т.д.). Это ведет, прежде всего, к высокому уровню внутриэлитного насилия. Регулярные убийства чиновников, депутатов, предпринимателей негативно влияют на общий уровень безопасности в республике, а также, оставаясь ключевым способом разрешения споров, не позволяют перейти к его более цивилизованным формам. Кроме того, наличие у элиты силового ресурса оказало негативное влияние на принципы хозяйственного регулирования в регионе: когда судьба активов на деле определяется неформальной «силой», мотивация к укреплению правовых механизмов в хозяйственной сфере крайне слаба. В результате в экономике имеется большое количество «серых зон», где-либо в силу местных нормативных актов, либо в силу сложившихся неофициальных практик доминирует силовое регулирование. Примером может служить земельная сфера, где крайне запутанное местное законодательство препятствует развитию легальных рыночных отношений.

Третье. Ориентация элиты исключительно на рентную экономику, прежде всего на бюджетную ренту. В Дагестане это получило особенно яркое выражение из-за того, что с начала 1990-х и вплоть до стабилизации положения в Чечне Дагестан находился в фактической транспортной блокаде, при которой ведение в республике бизнеса было крайне затруднено. Закрепившийся тогда порядок, в котором бюджетная рента является незаменимым источником благосостояния элиты, не способствовал заинтересованности

элиты в развитии человеческого капитала и создании необходимых для этого «карьерных лифтов»: человеческий капитал не принципиален для извлечения бюджетной ренты.

Вместе с тем, для дагестанской элиты характерна внутренняя конкуренция, отсутствие жесткой «вертикали». Это хорошо показывает идущая сейчас масштабная кампания по замене муниципальных глав: она была инициирована нынешним главой республики с явной целью ограничить «вольницу» на местах, однако ее ход ясно показывает, что руководство региона вынуждено договариваться с различными группами внутри элиты при принятии кадровых решений и даже иногда менять эти решения под их давлением. Но «внутриэлитная демократия» в Дагестане сочетается с отсутствием механизмов регулярной ротации элит.

Очень важным для современного Дагестана является исламский фактор, причем его влияние на дагестанское общество весьма многообразно и точно не ограничивается культовой сферой. С первых постсоветских лет ислам Дагестана характеризуется серьезными внутренними конфликтами – как богословско-идеологическими (отчасти отражающими противоречия, существовавшие в местном исламе и ранее), так и межличностными. После того, как часть радикального исламского спектра в 1999 году поддержала вторжение в Дагестан отрядов Басаева, в борьбе с местными радикалами резко активизировались правоохранительные органы, но в силу многих обстоятельств эта активизация вела не только к обезвреживанию реальных радикалов, но и к раскручиванию «спирали насилия». С другой стороны, исламская среда в Дагестане – это среда, где имеют место попытки диалога между разными группами и религиозными течениями. Такие попытки делались не только на республиканском уровне, но и на уровне тех сел, где с 1990-х годов имелись религиозные конфликты. То есть с исламским фактором в сегодняшнем Дагестане связаны и насилие, и перспективы преодоления конфликтов через диалог.

Фактором, исподволь преобразующим ту систему, которая сформировалась в Дагестане в 1990-е, является рост городов, прежде всего Махачкалы, которая по числу жителей фактически приближается к миллиону, причем, по имеющимся оценкам, не менее двух третей жителей столицы – сельские мигранты в первом или втором поколении. Если в сельском Дагестане большую роль продолжают играть родовые и общинные связи, то в мегаполисе их роль неизбежно падает. Выпадая в городе из этой сельской системы, далеко не каждый сельский мигрант имеет и необходимые связи для того, чтобы как-то приблизиться к описанной выше элите, вписаться в «рентную» экономику. От этого город приобретает истинно «городские» черты, с многообразием горизонтальных связей, конкуренцией в сфере предпринимательства, многообразием в сфере культуры, СМИ и т.д. Махачкала на сегодняшний день является, пожалуй, наиболее «городским» городом на всем Северном Кавказе. Именно поэтому о сегодняшнем Дагестане можно говорить как о регионе контрастов:

в нем, с одной стороны, в достаточно жестком варианте сохраняется архаичная система власти, явно неприспособленная к эволюции в сторону большей открытости, а с другой стороны, стихийно формируются определенные ниши, где отношения регулируются по иным, гораздо более современным принципам. При сохранении нынешней системы формирования региональной элиты, в городах образуется «контрэлита» - сообщества людей, добившихся успехов в предпринимательстве, культуре, общественной деятельности без поддержки «сверху» и сохраняющих относительную независимость от кланово-бюрократической системы. Влияние такой «контрэлиты» постепенно растет.

Еще одним следствием развития городов является постепенное падение значимости межнациональных проблем в местной политической жизни: в городах межэтнические различия неизбежно уходят на второй план. Если в 1990-е годы эти проблемы были на первом плане и огромную роль в регионе играли этнические общественные движения, то сейчас эти движения занимают в Дагестане гораздо более скромное положение. Вместе с тем, в сельской местности межэтническая проблематика нередко сохраняет большую актуальность из-за земельных конфликтов. Именно на таких конфликтах концентрируются сейчас общественники, позиционирующие себя как защитники интересов того или иного этноса.

Чечня

Чеченская Республика по своему современному общественному укладу существенно отличается от всех остальных республик СКФО. Причины этих отличий очевидны: две разрушительные войны, которые регион пережил в постсоветское время. Разрушительными эти войны оказались не только для экономики и инфраструктуры региона, но и для его социального устройства: после войн не было шанса вернуться к довоенной социальной реальности, многое пришлось отстраивать «с нуля».

Одним из ощутимых результатов войн стало фактическое уничтожение существовавшей ранее региональной элиты, концентрировавшейся в городах, прежде всего – в Грозном. Республику во время войн покинула не только русская, но и чеченская интеллигенция, в частности, была разгромлена существовавшая на конец 1980-х управленческая прослойка. С середины 2000-х, когда в регионе постепенно стала налаживаться мирная жизнь, о каком-либо восстановлении прежней элиты речи быть уже не могло. Процесс строительства новой элиты мог идти и реально шел без учета норм и «правил игры», действовавшей в местной элите позднесоветского времени. Преемственности внутриэлитного уклада в Чечне практически не было. В частности, на момент начала мирного строительства в Чечне отсутствовала «клановая» система, в той или иной степени присутствовавшая в постсоветское время в других регионах Северного Кавказа. В определенной мере это давало чеченскому руководству

больший уровень свободы: не было необходимости согласовывать интересы различных «кланов», учитывать их амбиции и т.д. Отсутствие «клановой» системы позволило создать в регионе карьерные лифты, по которым на высокие позиции в госуправлении и бизнесе можно продвинуться вне зависимости от своего социального положения и происхождения. Система, делающая возможными такие продвижения, основана в Чечне прежде всего на лояльности руководителю региона. Такая система, с одной стороны, позволила создать новую элиту, способную на решение определенного круга задач, и даже обеспечивает обновление элит. С другой стороны, сложившаяся система удовлетворяет не всех и является стимулом для миграции из региона тех, кто стремится к успеху на иных основаниях.

В политическом отношении Чечня отличается высокой концентрацией власти и ресурсов у лидера региона и его ближайшего окружения. Рамзан Кадыров в большой степени контролирует и работающие в регионе силовые структуры, что недоступно другим руководителям северокавказских республик. Механизмы политической конкуренции в регионе не развиваются. О существовании «контрэлиты» как прослойки людей, имеющих определенное влияние, но не связанных с властью, говорить не приходится. Структуры гражданского общества, не получающие прямой поддержки власти, также крайне слабы и нередко испытывают давление.

При этом, если рассматривать современное чеченское общество в целом, а не только ту его часть, которая вошла в новую элиту, то вопрос о том, насколько оно сохраняет традиционный общественный уклад, далеко не прост. Так, роль родовых общинностей – тейпов в Чечне сегодня скромнее, чем в соседней Ингушетии, хотя и неясно, какие организационные формы могли бы прийти ей на смену. Противоречивым выглядит и вопрос о степени сохранения традиционного уклада на уровне семей. С одной стороны, сопоставление Чечни с Дагестаном или, тем более, с республиками Западного Кавказа позволяет утверждать, что семейные связи и нормы в этой республике играют более важную роль в жизни рядового человека. С другой стороны, и в Чечне их роль, по-видимому, ослабевает из-за нескольких факторов. Во-первых, война и связанные с ней события привели к новым семейным практикам, необходимым для выживания. Это предполагало изменение традиционных гендерных иерархий (повышение роли женщины), рост самостоятельности детей по отношению к родителям, отчасти идущий на фоне межпоколенческого конфликта. Во-вторых, традиционный уклад трансформируется за счет развития городов. Их роль, правда, не стоит преувеличивать, поскольку, как показывают наблюдения, даже среди населения, трудящегося в городе, значительна доля тех, кто проживает на селе и лишь приезжает в город по работе. Тем самым в городской среде велик процент сельских жителей, что препятствует полноценной урбанизации.

Религия в современной Чечне часто рассматривается как один из гарантов сохранения традиционного уклада. Именно на традиционность для чеченского народа тех форм ислама, которые получают сегодня официальную поддержку, делает акцент глава Чечни. Вместе с тем, неочевидно, что религиозная молодежь полностью лояльна именно «официальным» исламским течениям. Возможные межпоколенческие различия не являются на данный момент причиной каких-либо религиозных противоречий, но нельзя исключать, что социальная роль религии в Чечне в обозримом будущем станет более сложной, чем она есть сейчас.

Ингушетия

Ингушетия выделяется на фоне других северокавказских республик, с одной стороны, чрезвычайно большой сохранностью традиционных общественных норм на «низовом» уровне, а с другой стороны, существенной неопределенностью норм регулирования в сферах, связанных с властью и крупными активами. Такая нестандартная ситуация связана в первую очередь с особенностями формирования этого региона: Ингушетия как отдельный субъект была воссоздана в 1992 году, через почти 60 лет после того, как была официально упразднена. Воссоздание Республики Ингушетия имело место в тот момент, когда на ее территорию активно шла миграция ингушского населения: ингуши переезжали на историческую родину из дудаевской Чечни, и одновременно в регион прибывали ингуши, вынужденно покидавшие Пригородный район Северной Осетии и город Владикавказ из-за имевшего там место конфликта. Население, сконцентрировавшееся тогда на территории Ингушетии (и в значительной мере остающееся там до сих пор), было весьма разнородным по тому укладу, в котором оно существовало ранее: это были переселенцы и из вполне модернизированных городов, и из весьма традиционных сел.

На сегодняшний день влияние традиционных норм и родовых связей в Ингушетии во многом усиливается особенностями инфраструктуры и расселения. В республике практически отсутствует городская среда. Населенные пункты, которые официально имеют городской статус, даже по характеру застройки больше напоминают сельские поселения: там преобладают частные дома (за исключением малонаселенной столицы республики Магаса и отчасти города Малгобека). Во многих кварталах крупнейшего города Ингушетии Назрани наблюдается заметное численное преимущество жителей одного или двух тейпов, то есть воспроизводятся образцы расселения, характерные для сел.

Однако если от «бытового» уровня переходить к уровню общественно-политической жизни республики, то там роль традиционной общественной организации становится менее ясной. С одной стороны, фамильные структуры выступают акторами во многих политически значимых процессах. Глава региона сегодня встречается с лидерами тейпов: регулярно в

рамках заседаний Совета тейпов, а также по различным вопросам, затрагивающим членов тейпа. Тейповые структуры часто выполняют миссию по защите своих членов в конфликтах с чиновниками или силовиками. С другой стороны, непосредственно при формировании органов власти и местного самоуправления тейповые структуры сколько-нибудь заметной роли не играют. Избиратели одного тейпа вовсе не всегда консолидировано голосовали на проходивших в регионе выборах, нет каких-либо неформальных механизмов обеспечения представительства во власти и органах МСУ разных тейпов.

Что является действующей на сегодня альтернативой тейпового устройства в региональной власти, определить достаточно трудно. В целом республика в постсоветское время имела опыт выборов главы с весьма острой конкурентной борьбой, однако в настоящее время выборы разных уровней проходят в Ингушетии достаточно бесконфликтно, при плотном контроле исполнительной власти. Организации и отдельные активисты, именующие себя политической оппозицией, маргинальны и возможностей включиться в реальную конкуренцию на выборах не имеют. Какие-либо устойчивые неформальные принципы формирования правительства отсутствуют. Политика нынешнего главы региона в этом отношении носит достаточно переменчивый характер. Некоторые назначения в правительстве вполне укладываются в логику закрытой бюрократической системы, в то время как появление на министерских постах некоторых других назначенцев – ингушских предпринимателей или управленицев, добившихся заменых успехов за пределами региона – говорит о попытках создать некое подобие вертикальных лифтов в республиканской управленческой системе.

В отсутствие действующих демократических механизмов можно сказать, что традиционные фамильные структуры обеспечивают определенную форму общественного контроля за властью. Тейповая солидарность в настоящее время рассматривается многими в регионе как ограничитель для произвола чиновников, а также для любых форм насилия. Если ее действительно считать таковым ограничителем, то надо признать, что в какой-то мере этот ограничитель срабатывает. В частности, в последние годы в регионе заметно уменьшилось число похищений людей, а также инцидентов с участием членов вооруженного подполья. Следует при этом отметить, что еще 5-6 лет назад регион этим похвастаться не мог.

Вместе с тем, тейповая структура создает определенную «дистанцию» между Ингушетией и Россией в целом в отношении практик правоприменения. Сохраняющаяся традиция рассмотрения многих конфликтных вопросов, в том числе связанных с преступлениями против личности, с участием старших родственников сторон, разумеется, не вписывается в федеральное законодательство. Практика такого рассмотрения конфликтов в Ингушетии позволяет даже говорить об имеющей там место «конкуренции юрисдикций», то есть параллельном действии российского законодательства и традиционных правовых норм.

Но масштабы этого явления, будучи значительнее, чем в других северокавказских республиках, все же не таковы, чтобы говорить о выпадении Ингушетии из российского правового поля. В частности, практика «недоведения» дел до российского суда не распространяется на тяжкие преступления.

Обратимся теперь к особенностям гражданского общества в Ингушетии. В отношении неправительственных организаций положение в регионе неоднозначное. Примерно до середины 2000-х в регионе активно действовали представительства международных неправительственных организаций, занятые преимущественно помочью вынужденным переселенцам. Их деятельность была востребована, население регулярно к ним обращалось. В некоторой степени эти организации популяризовали в Ингушетии новую для нее правовую культуру, в основе которой – знание гражданами о перспективах обращения в официальные международные структуры с жалобами на какие-либо действия должностных лиц (некоторые местные наблюдатели используют даже термин «strasбургское правосудие»). В настоящее время в регионе действуют исключительно местные правозащитные организации, получающие поддержку от правозащитного сообщества России. Численность таких организаций мала, однако их востребованность не вызывает сомнений, если судить по регулярности обращений к ним граждан. Взаимоотношения местных правозащитных организаций с региональной властью и силовыми структурами нельзя назвать простыми, хотя в разные периоды эти взаимоотношения складывались по-разному. Так, нынешний глава региона Юнус-Бек Евкуров в первые годы своего пребывания у власти четко обозначал намерение взаимодействовать с правозащитниками, проводил с руководителями правозащитных организаций регулярные консультации в разных форматах. На сегодняшний день, однако, во взаимоотношениях Евкурова с правозащитниками наблюдается явное «похолодание», и одновременно ведущие правозащитные структуры региона имеют проблемы во взаимоотношениях с правоохранительными органами.

Помимо правозащитных организаций, в последние годы в регионе наблюдаются попытки создать общественные структуры иного профиля – бизнес-ассоциации, дискуссионные клубы и т.д. Их «ядро» составляют жители региона, имеющие опыт работы за его пределами, обладающие достаточно большими контактами в российском предпринимательском сообществе, среди НКО различного профиля и т.д. Их общественная деятельность может рассматриваться как осознанная попытка «модернизировать» регион, но деятельность большинства таких общественных структур находится пока в начальной стадии.

Особенности исламской среды Ингушетии, на наш взгляд, в определенной степени могут способствовать выработке в регионе навыков гражданского диалога. Дело в том, что в настоящее время в республике имеются исламские лидеры, относящиеся к разным

религиозным течениям. Некоторые из имамов мечетей лояльны Духовному управлению мусульман республики, некоторые открыто ему оппонируют. Противостояние между ними достигает немалой остроты. Однако существенными представляются два момента. Во-первых, попытки перевести это противостояние в силовое русло, имевшие место в 2015 году, на сегодняшний день успехом не увенчались. Во-вторых, власти региона не проводят политики тотальной поддержки одной из конфликтующих сторон. Оба эти обстоятельства нельзя признать стабильными, накал внутрирелигиозного противостояния достаточно высок, а позиция руководства региона по этому противостоянию пока больше походит на ситуативную реакцию, чем на осознанную линию на «равноудаленность». Тем не менее, если подход, основанный на обеспечении сосуществования разных религиозных течений в легальном поле, а не тотального подавления какого-либо одного из них в пользу другого, утвердится, это будет значимым прецедентом для развития ингушского социума в целом, для утверждения в нем практик «мирного сосуществования» при идеологических расхождениях.

Что касается сферы межэтнических отношений, то на нее в Ингушетии влияет главным образом ситуация в Пригородном районе Северной Осетии. Вопрос о возвращении ингушских вынужденных переселенцев в этот район, а также о том, какой статус этот район должен иметь в дальнейшем, был одним из центральных в политической повестке дня Ингушетии начиная с 1990-х годов, когда требования безусловного возвращения вынужденных переселенцев и возврата района в состав Ингушетии озвучивали не только общественники, но и руководство региона. Комплекс вопросов, связанных с Пригородным районом, влияет не столько на межэтнические отношения внутри Ингушетии, региона почти однонационального по составу, сколько на взаимоотношения между регионом и соседями. Сейчас, в отличие от 1990-х годов, проблему Пригородного района нельзя назвать доминирующей в политической жизни Ингушетии. Это связано с несколькими причинами, среди которых появление в республиканской «повестке дня» новых серьезных проблем (включая тех, которые касаются ситуации в местном исламе), компромиссная линия региональных властей в этом вопросе, а также относительно успешный, хотя и не лишенный трудностей, ход возвращения в район переселенцев. При этом серьезным потенциальным фактором дестабилизации тема Пригородного района остается.

Кабардино-Балкарская

Кабардино-Балкарская относится к северокавказским республикам с наиболее жесткой моделью управления. Через весь постсоветский период, включая 1990-е, она прошла как регион, в котором система власти была выстроена под «первое лицо» с практически неограниченными полномочиями. Эта система сформировалась при президенте республики

Валерии Кокове, занимавшем свой пост с 1992 по 2005 год. При последующих главах региона изменения этой системы касались в основном только взаимоотношений главы региона с руководством силовых структур, особенно республиканского МВД, которое во второй половине 2000-х временно вышло из-под неформального контроля региональной власти. Контроль главы региона за выборами, за ключевыми экономическим активами, за формированием местного самоуправления был и остается почти безраздельным. В местной элите почти полностью отсутствуют группы, которые были бы встроены в систему управления и контроля за ресурсами, но при этом имели бы ту степень автономии, с которой глава региона вынужден был бы считаться. В этом существенное отличие КБР, например, от соседней КЧР или от Дагестана.

Отсутствие в КБР неформальной «демократии элит» может быть объяснено несколькими причинами. Во многом эти причины связаны с конкретными политическими обстоятельствами, со значительными усилиями, которые приложил в 1990-е годы Валерий Коков для создания и укрепления режима единоличного правления. Он, в частности, последовательно не допускал приход во власть неформальных лидеров 1990-х годов, имевших собственный силовой ресурс (в то время как в КЧР и Дагестане «кооптация» таких фигур в местную элиту и во власть имела довольно большие масштабы и во многом как раз предопределила устройство элит в тех республиках). Но задача по недопущению в КБР «демократии элит» облегчалась и характером того социума, который сложился в республике к моменту распада СССР. Во-первых, к тому времени в республике уже была во многом разрушена традиционная родовая социальная организация. Хотя родственные отношения между отдельными людьми могут играть большую роль в управлеченческой и предпринимательской сфере КБР, в республике мало крупных фамильных сообществ, которые сохраняли бы заметную степень влияния и внутренней организованности. Во-вторых, КБР – это регион, где массовая миграция в города прошла достаточно давно, еще в советское время. В силу этого в КБР в меньшей степени, чем в других республиках, региональное руководство сталкивается с необходимостью учитывать особенности традиционного общественного уклада, которые во многом растворила в себе еще советская городская культура. По своей политической структуре КБР напоминает многие российские регионы за пределами Северного Кавказа, где глава имеет возможность практически безраздельно контролировать местную политику и экономические процессы.

Именно жесткая «вертикаль» власти в КБР, на наш взгляд, предопределила основные конфликтные сюжеты в ее постсоветской истории, как в политике, так и в некоторых сферах общественной жизни.

Говоря о политической активности в регионе, важно отметить, что монополия власти не привела к полному отсутствию политической борьбы, но это почти всегда (за исключением самого раннего постсоветского периода) была борьба между действующим главой и претендентом на его должность, имеющим поддержку на федеральном уровне. Такие претенденты становились ключевыми спонсорами общественных организаций и СМИ, оппозиционных главе республики. Тем самым в моменты борьбы за власть единая «вертикаль» в местной политике (но не в экономике и не в контроле за ресурсами) сменялась двумя «вертикалями», одна из которых была подконтрольна действующему главе, а другая – его конкуренту. В «вертикаль» конкурента входили в первую очередь общественные организации, выступающие от имени того или иного этноса. Они поднимали главным образом земельные проблемы, потому что в КБР имеется большой комплекс нерешенных вопросов, затрагивающих земельные интересы как кабардинских, так и балкарских сел. Однако, как только попытки сместить действующего главу региона прекращались, активность этих организаций также заметно шла на убыль (хотя проблемы, вокруг которых она строилась, в основном оставались нерешенными). Общественная деятельность, не зависящая от интересов главы региона и его конкурентов, в КБР представлена очень узким спектром активистов, в основном правозащитников, неоднократно испытавших на себе давление власти.

Другое следствие монополизации власти в КБР – отсутствие «карьерных лифтов», возможностей для продвижения вправленческой сфере и бизнесе, не основанных на личных связях с представителями региональной власти. Эта ситуация породила запрос на создание «контрэлиты». Примечательно, что наиболее заметные попытки создать таковую в КБР копировали региональную элиту по степени жесткости ее внутренней организации.

Это относится прежде всего к радикальному исламу в КБР. Это единственный регион, где уже в 1990-е практически абсолютное большинство адептов «нетрадиционного» ислама было объединено в одну общину с довольно жесткой внутренней организацией. Она была руководима проповедниками, весьма авторитетными у части местной молодежи, и объединяла мусульман, не поддерживавших по тем или иным причинам официальное Духовное управление. В период своего «красцвета» (конец 1990-х – начало 2000-х) эта община даже стремилась стать альтернативной имеющейся системы власти, контролировать местный бизнес, влиять на назначения чиновников. С начала 2000-х региональные власти и силовики начали жесткое давление на радикальных мусульман. Было закрыто большинство их мечетей, лидеры организации ушли в подполье. Их ответом было нападение групп боевиков на здания силовых структур в Нальчике 13 октября 2005 года. Борьба с вооруженным исламским подпольем в КБР привела к ликвидации его наиболее заметных лидеров и к общему сокращению численности боевиков, однако одновременно способствовала дальнейшей

эскалации насилия в регионе. Отсутствие в КБР практики гражданского диалога, являющееся следствием общей политической «архитектуры» данного региона, не дало надежд на реализуемость каких-либо инициатив по наведению «мостов» между группами граждан, оказавшихся по разные стороны религиозных конфликтов, даже если речь идет о тех, кто сам не нарушал закон и находится в легальном поле.

Что касается межэтнической проблематики, то ее присутствие в КБР связано не только с тем, что этнические НКО периодически использовались в борьбе за власть в регионе. В КБР остается неразрешенным ряд земельных конфликтов, в особенности в горной местности и в пригородах столицы республики Нальчика. В основном эти конфликты связаны с землями, которые жители некоторого сельского поселения считают «исторически своими», но в силу тех или иных причин не имеют возможности их использовать или получать с них земельную ренту. В последние годы острота ряда конфликтов повысилась из-за того, что они касаются земель, на которых планируется осуществлять курортное строительство. Поскольку многие конфликты имеют место в той части республики, где большинство составляют балкарцы, большую активность в земельных вопросах проявляют именно балкарские общественные организации. В последнее время, однако, на фоне попыток нового руководства республики найти пути решения земельных проблем, политическая напряженность вокруг земельных конфликтов уменьшается.

Карачаево-Черкесия

Карачаево-Черкесию нередко называют «западно-кавказским Дагестаном», имея в виду сложный национальный состав (ни один из населяющих ее народов не образует 50% населения) и важность этнического фактора в региональной политике. На самом деле, однако, этот регион с населением чуть менее полутора миллиона человек, наоборот, противопоставлен Дагестану по ряду очень важных характеристик. В КЧР, в отличие от Дагестана, к сегодняшнему дню удалось заметно уменьшить угрозу насилия на религиозной и этнической почве, хотя 10-15 лет назад эта угроза была там весьма велика. Но при этом, если в Дагестане, особенно в его столице, активно формируются новые для Северного Кавказа, городские социальные отношения, основанные на многообразии и конкуренции, то в КЧР этот процесс крайне замедлен: там даже в городах ключевую роль продолжают играть родственные, сельские связи, и не видно формирований им какой-либо альтернативы.

В первые постсоветские годы КЧР развивалась по «инерционному» сценарию: команде чиновников, занимавших высокие посты в регионе еще в 1980-е годы, после распада СССР удалось сдержать кратковременный натиск этнических активистов, требовавших раздела региона на два национальных субъекта, и вплоть до конца 1990-х сохранять в республике

практически советскую модель управления. Однако 1999 год нанес по этой модели сокрушительный удар: первые общенародные выборы главы региона привели к жесткому противостоянию кандидатов, представлявших разные национальности, к мощной этнической мобилизации и прямой угрозе гражданской войны в республике, избежать которой удалось только после активного вмешательства федерального центра. Градус межнационального противостояния после выборной кампании быстро снизился, но структура региональной элиты существенно изменилась: в ней важную роль стали играть лидеры, имеющие поддержку этнических движений. Многие из них в советское время были «цеховиками». Сформировалась и существует по сей день некая модель «элитарной демократии», где компромиссы между ключевыми игроками чередуются с эпизодическими проявлениями насилия, не затрагивающими рядовых жителей. При этом бенефициары сложившейся системы не только удерживают за собой ключевые должности и лидирующие позиции в бизнесе, но и являются основными работодателями в регионе, тем самым обеспечивая себе лояльность основной массы населения. «Распределение» населения между группами, зависящими от разных представителей местной элиты, определяется в основном национальностью и родственными отношениями. Местный бизнес почти целиком находится под контролем наиболее влиятельных в регионе семей, сферы влияния между которыми достаточно четко распределены. Перспективы «входа» даже в средний по местным меркам бизнес для человека, не имеющего к этим семьям отношения, малы.

Наличие противоборствующих групп внутри элиты в определенный момент искусственно стимулировало гражданскую активность. Прежде всего это было связано с тем, что вплоть до начала 2010-х годов внутриэлитная борьба обычно велась с привлечением средств публичной политики. Местные «олигархи» поддерживали деятельность независимых СМИ, общественных организаций и т.д. Кроме того, они соревновались в контроле над муниципальными образованиями, вследствие чего во главе городов и районов периодически оказывались люди, способные проводить политику, независимую от региональной власти.

Однако в самые последние годы, когда процесс выработки внутриэлитных договоренностей в основном переместился в непубличную сферу, стало ясно, что запрос на гражданскую активность в сфере медиа, местного самоуправления, развития общественных организаций в регионе присутствует слабо. Без заинтересованности со стороны противоборствующих элитных групп независимые СМИ практически прекратили существование, местное самоуправление перешло на позиции безусловной лояльности региональной власти (этому способствовали и уголовные дела против наиболее «несговорчивых» муниципалов), а приток молодежи в независимые от власти общественные организации невелик. Сектор НКО, ведущих самостоятельную деятельность без поддержки

власти и «олигархата», в КЧР гораздо слабее, чем, например, в Дагестане и даже в Ингушетии. При этом наиболее заметные из имеющихся НКО позиционируют себя как этнические, выражающие интересы какого-либо отдельного народа. Этим подтверждается то обстоятельство, что в КЧР, несмотря на рост численности городского населения, именно этнические границы продолжают играть определяющую роль.

Общий низкий уровень гражданской активности может быть объяснен тем, что для большинства населения региона жизненные стратегии, основанные на лояльности какому-либо представителю местной элиты и встраивании в подконтрольную ему сферу хозяйственной деятельности, представляются удовлетворительными. Это, в свою очередь, может отчасти быть объяснено демографической ситуацией: сравнительно низкая доля молодежи в населении региона позволяют большинству молодых людей найти свое место в имеющейся системе. Запрос на ее изменение пока присутствует в малой степени.

Позитивным опытом КЧР можно считать успешное преодоление насилия в религиозной сфере. Республика стablyно находится на одном из последних мест в СКФО по числу преступлений террористического характера и спецопераций. Не переходят в насильтвенную стадию и конфликты между разными группами мусульман. Это было достигнуто во многом благодаря политике республиканских властей, способствовавших «кооптации» в официальные исламские структуры мусульман разных направлений, в том числе и заметных молодежных лидеров. Сам по себе этот факт может быть ценен потому, что демонстрирует возможности сотрудничества граждан, находящихся на разных идеальных платформах. Вместе с тем, задача примирения разных исламских направлений в КЧР выглядит значительно более легкой, чем, например, в Дагестане, где «нетрадиционный» ислам получает влияние из-за имеющегося запроса на идеологию общественного протesta, который в КЧР выражен слабо.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б. Северный Кавказ сквозь призму теории Дугласа Норта о социальных порядках (*И.В. Стародубровская*)

Для определения перспектив развития северокавказских республик, а также России в целом, чрезвычайно полезной представляется набирающая все большую популярность теория, предложенная нобелевским лауреатом Дугласом Нортом и его коллегами²¹. В рамках этой теории в мировой истории цивилизаций различают общества, основанные на порядке ограниченного доступа и основанные на порядке открытого доступа. Наиболее распространенными в истории являются так называемые естественные государства, основанные на порядках ограниченного доступа, тогда как порядки открытого или свободного доступа характерны примерно для 25 наиболее развитых и динамично развивающихся стран мира.

Собственно, исходным пунктом различий является наличие или отсутствие монополии на насилие со стороны государства. Рассматриваемая теория утверждает, что в большинстве стран такая монополия отсутствует, и для предотвращения насилия необходимо создавать особые стимулы для элитных групп, которые перевешивали бы выгоды от использования ими собственного насильственного потенциала. «Порядки ограниченного доступа суть социальные договоренности – одновременно политические и экономические, благодаря которым мотивы к применению насилия исчезают»²². Подобные стимулы создаются в результате распределения рент, полученных путем предоставления данным группам, объединенным в доминирующую коалицию, различных эксклюзивных прав и возможностей. Соответственно, в рамках данного порядка используются «ренты, ограниченный доступ и привилегии для сдерживания насилия, предоставляя эти ренты и привилегии отдельным лицам и группам, способным на насилие, и создавая для них стимулы кооперироваться, а не бороться друг с другом»²³. Распределение рент от монополизации доступа к ресурсам, экономической и политической деятельности и составляет суть порядка ограниченного доступа.

Соответственно, в рамках порядка ограниченного доступа:

²¹ См, например: Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011.

²² Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012, с. 8.

²³ Там же, с. 19.

- широкое распространение получают патрон-клиентские отношения, обслуживающие интересы членов господствующей коалиции;
- власть, экономика и носители насилиственного потенциала тесно взаимосвязаны между собой;
- невозможно в полной мере реализовать принцип свободной конкуренции – необходимость обеспечения ренты требует монополизации наиболее привлекательных сфер экономики и политики;
- невозможно обеспечить принцип верховенства права и равенство всех перед законом – «применение и принуждение к соблюдению... законов в коррумпированных судах превращает их в дополнительный источник бенефиций для “своих”»²⁴;
- невозможно обеспечить реализацию принципов социального государства – масштабы и качество предоставления государственных услуг зависят от того, кому они предоставляются;
- невозможно обеспечить вертикальные лифты в соответствии с талантами и усердием – члены господствующей коалиции и те, кто входит в их патрон-клиентские связи, всегда будут иметь преимущество.

В то же время, порядки ограниченного доступа не всегда способны предотвратить насилиственные практики. Изменение ситуации, внутренние или внешние шоки приводят к тому, что изначально достигнутый баланс может нарушиться. Тогда элитные группы либо договариваются о новом распределении рент, либо, если достичь компромисса не удается, могут использовать имеющийся у них потенциал насилия с целью силового решения проблемы.

В отличие от порядка ограниченного доступа, порядок открытого доступа основан на свободной конкуренции в экономической и политической сфере, верховенстве права, подразумевает монополию государства на применение насилия и более широкое распространение деперсонифицированных практик, при которых не играет роли, кем персонально является носитель тех или иных отношений или получатель тех или иных услуг, в какие структуры и коалиции он встроен. Ренты в подобной системе также генерируются, но они связаны в первую очередь с инновационной, предпринимательской деятельностью, а не с искусственной монополизацией тех или иных сфер.

Основываясь на принципиальных различиях между порядками ограниченного и открытого доступа, Норт и его коллеги призывают относиться с особой осторожностью к попыткам непосредственного перенесения тех институциональных форм, которые характерны

²⁴ Там же, с. 24.

для современных демократических государств, в условия естественного государства. Либо реальное содержание переносимых институтов будет искажено, либо могут быть подорваны договоренности о распределении рент, и импорт институтов приведет к новым всплескам насилия. Однако исследования конкретных стран показали, что ситуация не столь линейна. Использование характерных для порядков открытого доступа институциональных форм не приводит к выходу за рамки ограниченного доступа, но может повысить качество институтов в их рамках.

Так, внедрение института выборов может привести к появлению отношений *конкурентного клиентализма*, то есть конкуренции между элитными группами за привилегированный доступ к ограниченным государственным ресурсам, которые они затем могут распределить среди своей клиентелы. Подобный механизм может иметь положительные последствия для устойчивости естественного государства, поскольку:

- для победы на выборах элитные группы вынуждены делиться своими рентами с избирателями;
- если выборные механизмы стабильны, то проигрыш на выборах может не приводить к возобновлению насильтвенных практик, поскольку есть возможность вернуть себе доступ к государственным ресурсам в следующем избирательном цикле.

Отношения конкурентного клиентализма могут воздействовать и на экономическую сферу, снижая барьеры доступа к тем или иным видам предпринимательской деятельности в результате борьбы клиентел друг с другом.

Проведенный авторами концепции анализ показывает, что в рамках группы естественных государств, несмотря на сохранение базовых характеристик ограниченного доступа, наблюдаются чрезвычайно существенные различия в динамике развития, уровне жизни, комфорта проживания, степени политических и экономических свобод. Так, по уровню подушевого ВВП различия достигают десятки раз. Таким образом, сама группа стран, характеризующаяся порядком ограниченного доступа, требует более дробного деления.

Д. Норт и его коллеги выделили три различных вида естественного государства: хрупкое, базовое и зрелое. При этом они подчеркивают, что «[н]е существует четких границ, различающих эти типы. Естественные государства отличаются главным образом структурой государственности и сложностью организаций, которые они могут поддерживать»²⁵. *Хрупким* обозначается такой режим, где каждая из фракций в доминирующей коалиции имеет прямой доступ к ресурсам насилия, и потенциал насилия напрямую влияет на распределение ресурсов и рент. Подобные коалиции предельно нестабильны, и государство с трудом может сохранить

²⁵ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки..., с. 99.

себя, сталкиваясь с постоянной угрозой насилия. *Базовый порядок* ограниченного доступа предполагает достаточно сильное государство, которое может ограничить насилистические практики и установить определенные правила. Однако в рамках такой системы государство стремится подчинить себе всю общественную жизнь, не оставляя пространства для развития гражданского общества. Все политические и экономические организации, все элитные группы оказываются тесно связанными с государством, которое становится единственным стабильным институтом. Наконец, *зрелое естественное государство* характеризуется возникновением достаточно широкого спектра элитных организаций вне государственных структур, которые способны в определенной степени контролировать государство. В таких условиях могут возникнуть более четко определенные и более унифицированные «правила игры» (хотя бы для элитных групп), возможна большая независимость судов и центрального банка, начинается дифференциация сферы политики и сферы экономики.

Авторы концепции рассматривают движение от хрупкого к базовому и затем к зрелому порядку ограниченного доступа как прогрессивную эволюцию, в результате которой могут создаться предпосылки для перехода к порядку открытого доступа. Однако подобная направленность развития ничем не гарантирована. Истории известны многочисленные случаи деградации естественного государства, в рамках которой движение было обратным – от базового порядка к хрупкому или от зрелого – к базовому.

Очевидно, что и Россия в целом, и северокавказские республики характеризуются наличием порядка ограниченного доступа. На Северном Кавказе присутствуют примеры как хрупких, так и базовых режимов. Россия в целом изначально рассматривалась как зрелое естественное государство, однако исследователи отмечали регресс, связанный с нарастанием процессов, характерных для базового порядка ограниченного доступа, а именно с поглощением государством любых не связанных с ним организаций в экономической и политической сфере²⁶. Таким образом, с точки зрения характеристик, выделяемых в качестве ключевых в концепции Норта и его коллег, организация жизни в России в целом и в республиках Северного Кавказа действительно является однотипной. Общими являются также и ближайшие задачи – перейти к зрелому порядку ограниченного доступа, в рамках которого могут быть сформированы предпосылки коренной трансформации системы – перехода к порядку открытого доступа.

При этом, очевидно, северокавказские республики представляют собой различные разновидности естественного государства. Так, если Чечню и КБР, как и Россию в целом, можно отнести к вариантам базового естественного государства, то в КЧР и особенно в

²⁶ См.: Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки..., с. 110-111.

Дагестане явно просматриваются признаки хрупкого естественного государства. При этом опыт Северного Кавказа показывает, что однозначное представление о переходе от хрупкого к базовому естественному государству как очевидном прогрессе не всегда верно. Сравнение ситуации в Чечне и Дагестане очень показательно в этом отношении.

Чечня во время войн и в межвоенный период явно была хрупким естественным государством, не способным преодолеть насильственные практики. Его трансформация в базовое естественное государство в послевоенный период преодолела хаос предшествующих лет, однако это было достигнуто ценой масштабного государственного насилия. В результате подавления альтернативных сил и течений возможности эволюционного развития в зрелое естественное государство в Чечне просматриваются очень плохо и, скорее всего, трансформация рано или поздно будет происходить через новую эскалацию насилия (что характерно для многих стран, где базовое естественное государство существовало в форме диктатуры).

В то же время в Дагестане, где до сих пор сохраняются многие черты хрупкого естественного государства, однако где удалось избежать масштабного военного конфликта, возможности для развития бизнеса, свободы самовыражения, разнообразной общественной активности до последнего времени были несравненно шире, чем в более «продвинутой» с точки зрения рассматриваемой теории Чечне. Если неизбежная консолидация государства в Дагестане произойдет без установления жесткого политического режима, в более мягкой форме (случаи чего также известны в истории), это создаст гораздо более благоприятные условия для перехода к зрелой форме порядка ограниченного доступа.

Этот вывод подтверждается и тем, что современной истории известны случаи создания зрелого естественного государства непосредственно на основе хрупкого. Именно так можно рассматривать развитие Грузии периода М. Саакашвили. Хотя сформированную в то время систему нельзя отнести к порядкам открытого доступа (что подтверждается искусственной монополизацией наиболее прибыльных сфер экономической деятельности и активным использованием силового ресурса при проведении реформ), очевидно, она продвинулась достаточно далеко в обеспечении конкурентности в экономической и политической сфере.

Комитет
гражданских
инициатив